

Виктор Мишин

ВТОРОЙ ШАНС СЧАСТЛИВЧИК

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Виктор Мишин

Второй шанс. Счастливчик

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мишин В. М.

Второй шанс. Счастливчик / В. М. Мишин — «АСТ»,
2017 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-983223-2

Герой Советского Союза майор Новиков возвращается на службу. Великая Отечественная война движется к своему законному финалу. Рейх не только будет разгромлен, но и почти вся Европа будет занята нашими доблестными солдатами. Его ждут новые опасные и порой невыполнимые задания, но лучший снайпер Советского Союза из спецгруппы Ставки с честью и невероятным везением выходит из всех передряг. Счастливчик снайпер находит и спасает своих друзей, борется с врагами внешними и внутренними. Раскрывает заговоры и уничтожает пособников Гитлера, которые не хотят допустить нашей Победы, и, наконец, добивается того, для чего и попал в прошлое, изменения истории в ту сторону, в какую и хотелось Сергею.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-983223-2

© Мишин В. М., 2017
© АСТ, 2017

Виктор Мишин

Второй шанс. Счастливчик

© Виктор Мишин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

- Родная, прости.
- Ты не вернешься... – Светланка прикрыла руками глаза и отвернулась.
- Не понял? Что ты только что сказала? – я ушам своим не верил.
- Ты все слышал. И все понял, – злится и плачет.
- ??? – Я кивнул своим мыслям и, не развивая этот диалог дальше, стал собираться.
- Я не спрашиваю почему, я это знаю. Но я чувствую, ты не вернешься, – прилетело мне в спину.
- Свет, ну нельзя так перед дорогой, – начинаю злиться.
- Когда это ты обращал внимание на приметы? – удивленно посмотрела на меня супруга и смахнула слезы.
- С вашим появлением в моей жизни.
- Ты только что вылез из могилы, зачем вновь испытывать судьбу? – теребя в руках платок, Света умоляюще посмотрела на меня.
- Ты же сама сказала, что все понимаешь? – я грубил, но лишь для того, чтобы заставить себя не думать о том, что жена права.

Я – майор Красной Армии Новиков. На дворе стоит сентябрь 1943 года. И я только что нарушил обещание не возвращаться в действующую армию. Обещание своим родным и близким я дал, когда вернулся с последнего задания. Точнее, меня вернули оттуда практически по частям. Раны были тяжелые, долго восстанавливался. Только дома я лежал два месяца. До этого в госпитале и даже в Исландии успел полечиться. Точнее, пока с задания выползали, меня там подлатали. Потихоньку вылез все же. А сейчас даже форму набрал. Почти как прежде стал, вот только голова...

Да, голова покоя не давала. Злость поселилась во взгляде, разговаривать спокойно вообще могу с трудом. Приходится контролировать буквально каждое слово. С женой иногда разговариваю на повышенных тонах. Она сначала ответит, но потом, видимо, вспомнит, кто я и кем был на войне, успокаивается. Хотя когда только узнала, сутки со мной не разговаривала. Говорит, что никак не ожидала такого от вроде бы хорошего человека. Я ей тогда просто ответил:

– Родная, если уйдешь, пойму. Но каждый должен делать только то, что он умеет лучше всего.

Я – стрелок, я умею делать то, что не удастся другим.

– Дурак! Куда я уйду от тебя. Прекрасно знаешь, что я без тебя жить не могу. Я понимала, конечно, что на войне убивают. Но никак не думала, что это можно делать вот так, хладнокровно. У тебя взгляд стал совсем другой.

– А как воюют командиры, ты знаешь? Генералы, отправляющие на смерть целые дивизии?

Я – убиваю врагов! – Тогда она меня и правда зацепила. Но я о своей «профессии» теперь думал совсем иначе, чем ранее. – Любой командир на фронте – бомба, я же – пуля. И что не так у меня с глазами?

– Прости, я все поняла. Больше не буду так думать. Ведь все вы воюете для того, чтобы мы жили, – Светик завела обычную песню.

– Это ты прости. – «А все-таки, что с глазами-то не так? Что она в них увидела?» – подумал я. Хорошо хоть девчонки мои ничего плохого во мне не видят, пока по крайней мере. Вроде не пугаются, всегда рады, когда я дома, и печалятся, когда приходится уходить. Но главное – они меня любят, все.

Война шла на удивление легче, чем это было в мое время. Если так вообще можно выразиться. Рядовой состав вермахта, наглядевшись на устранение своих командиров, временами просто бросал оружие и отступал. Ведь это только я и несколько таких групп, как моя, занимались устранением высшего комсостава вермахта. А сколько десятков наших спецгрупп снайперов охотились за простыми командирами. Выбивали всех, до лейтенанта включительно. Немчура в последнее время даже пошла по нашим стопам и запретила командирам надевать офицерскую форму. Но это плохо помогало. Наши уже приноровились к повадкам офицера и с удовольствием их «работали». Представьте себе локальное наступление, ну, скажем, батальона. Раньше ведь как, немчура после артиллерийской подготовки вставала и под прикрытием пулеметов перла вперед, иногда во весь рост и пешком. А теперь? Пушкари у немцев если пару минут подолбят, и то для них хорошо, пехтура встает, а пулеметы-то молчат. Нет пулеметчиков-то уже. Начинают атаку и валятся друг за другом. Еще бы, у нас в каждом отделении снайпер и пулемет. Причесывают так, что фрицы сразу лапки вверх тянут. А куда им деваться, назад повернут, до своих окопов не добегут, вот и сдаются. А нам хорошо, стрельбы меньше, зато работников больше. Разрушили-то о-го-го сколько, вот и работают. Не все нашим старикам да бабам горбатиться.

Фронт подходит к границе, как я уже говорил, немцы отступают, ожесточенного сопротивления почти нет. Упертые попадают, но эти части заваливают бомбами и напалмом. Румыны и итальяшки уже заявили о выходе из коалиции с Гитлером, тот, наверное, совсем на дерьмо изошел после этого. Дуче макаронники уже шлепнули, румыны тоже своего Антонеску не сильно любили. Короче, дела идут. У нас в маршалах все те же, что и в мое время, плюс десяток новых имен в генералитете появился. Бойцы на фронтах имеют отличную подготовку. Учебка теперь полгода, в войска люди поступают обученными именно воевать. Оснащение, новое вооружение, да и просто питание стало такое, что бойцам не надо думать ни о чем другом, кроме как о выполнении обязанностей. Помните слова Константина Константиновича о двухстах орудиях на километр фронта? У нас, конечно, еще пока не так, как ему мечтается, но близко к этому.

Неделю назад заявился Петрович. Появившись для начала с десятков минут и заставив меня нервничать, выдал:

– Толя очнулся.

Сказать что-то большее он не успел. Увидев мои глаза, он буквально поперхнулся.

– Вот только не надо на меня так смотреть. В сознании он был почти две минуты, выпалил несколько слов сестре и снова вырубился, – Истомин разглядывал меня, а я молчал. Что говорить, если честно, то я уже похоронил Круглова. Врачи вообще не давали ему шансов, а он на тебе – воскрес.

– Шансы есть? – только спросил я.

– Теперь есть. Врачи сказали, что теперь они спокойны. Вытянут. Самое тяжелое позади.

– Когда к нему пустят?

– Как придет в себя и останется в сознании, – улыбнулся Петрович, – так и поедem.

– Что сказал-то? Или просто бредил?

– Да нет. Какой уж тут бред. Сам теперь жду, чтобы уточнить. Всю неделю как на иголках.
– Ну, Петрович, что же ты жилы из меня тянешь? – меня уже просто распирало.
– Потому что утверждать не могу. Неужели непонятно. Человек больше трех месяцев без сознания. Сестра рассказала, что он как глаза открыл, сказал только одно: – Ребята живы, в плену.

– Всё?

– Да, больше ничего, после того раза больше не просыпался пока.

Молча кивая чему-то своему, я поднялся.

– Куда собрался? – встрепенулся Петрович.

– На полигон поеду. Хочу немного пострелять. Ты со мной?

– До вечера свободен, поехали. Хочешь со мной поползать, что брать?

– Сам все возьму, – я прошел в свою комнату и открыл оружейный шкаф. Два «Винчестера-70», по сотне патронов к каждому. «Кольт» М1911, «Вальтер ППК».

– Ты чего, на войну собрался, что ли?

– Я же сказал, пострелять хочу. Компанию составишь? Держи, это Мурата, – я протянул одну «семидесятку» Петровичу.

– Подожди, позвоню. Машину вызову.

Через полчаса мы уже ехали за город. Стрельбище было рядом, на востоке, от города пару километров. Здесь была разбитая деревня, она отлично подходила для пострелушек. Костюмов у меня было два, Истомин будет у меня за второго номера.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – бодро отрапортовал дежурный по полигону, – сержант Семенов. Чем могу помочь?

– Вон майор тебе все скажет, – переадресовал на меня вопрос Петрович.

– Сержант, четыре манекена надо и грудные мишени, найдете?

– Так точно, какой план, товарищ майор?

– Освобождение заложников.

Дальше я указал, что нужно.

– Чучела, одетые в форму красноармейцев, прячете в развалинах, я не буду знать, кто и где из заложников «сидит». Высунуть только по половине лица, не больше. Мишени ставите сзади, ну, да сами все знаете.

– Сколько даете времени? – спросил сержант. Мы тут не первый раз, ребята уже привыкли к моим выдумкам.

– Не знаю, сколько нужно?

– Хотя бы час.

– У вас два, начинаем. И самое главное, два пулемета поставьте. Если заметят меня, пусть лупят.

– Товарищ майор, ну не положено, ведь знаете, – умоляюще ответил сержант.

– Да знаю я. Хрен с вами поиграешь всерьез. Ну, пусть хоть камнями кидают, все ж интереснее. Давайте посложнее сегодня придумайте.

– Ладно, покидаем, – усмехнулся сержант.

Все это время Истомин молча стоял и слушал.

– Ну что, товарищ генерал, поползать не желаете? – ехидно предложил я.

– А ты знаешь, давай. Думал, откажусь? – улыбнулся Петрович, видя мою вытянутую физиономию. Нет, мы и раньше стреляли вместе, но вот чтобы на пузе ползать, такого еще не было.

– Если честно, то да.

Мы покинули полигон и, уйдя в рошу, что окружала стрельбище, остановились и принялись снаряжаться.

– Что, вторым у тебя побыть?

– С начала вместе посмотрим, а потом разделимся. Четыре цели в разных местах одному не отработать.

– А харя-то не треснет? Генералом покомандовать решил? Я бы и сам разобрался, – усмехнулся Истомин.

– Не-а. Просто зная парней с полигона, вы и на позицию-то не выйдете без меня. Они вас враз на ноль помножат.

– Скромности у тебя всегда было мало, – Истомин натягивал «лешего» и взглянул на меня.

– Да я просто парней знаю. Каждый раз приходится выкручиваться, чтобы «живым» уйти.

– А что за история со стрельбой из пулеметов?

– Да попросил как-то всерьез пострелять, так начальник полигона Лаврентию Павловичу позвонил. Ну, мне и вставили. Трое суток на «губе» сидел.

– Мало! – наставительно заметил Истомин.

– Да ну вас всех. На фронте пехтуру танками обкатывают? А здесь почему запрещают?

– Отстань! Давай начинать.

– Уже начали, – я усмехнулся и, щелкнув затвором, направился в кусты. – Не отставайте, товарищ генерал.

– Уж как-нибудь, – проворчал Петрович.

– Слева, второй дом. Сразу за забором. Примерно двести.

– Двести пятьдесят, – глазомер у меня был уже как лазерный дальномер. Мне и сетка на прицеле не нужна. Даже отдыхая дома, всегда прикидываю расстояние до объектов. Привычка. Как у летчиков через плечо смотреть.

– Ветер порывистый, северо-западный, метров шесть.

– На такой дистанции, в принципе, пофиг. – И правда, двести метров, да пуля пятнадцать граммов. Энергия у нее около пяти тысяч, при скорости за километр. Моей пуле ветер начинает мешать после четырех сотен, да и то не очень критично. Вот когда на восьмьсот-тысячу стреляю. Там да, увод приличный. Так у меня пули для этого совсем другие. Сейчас я буду работать обычными, не заостренными пулями.

– Так чего не стреляешь? – задал вроде бы резонный вопрос Истомин. Ага, он со мной не тренировался ни разу по нескольким целям.

– Петрович. Чердак соседнего дома.

– О-о. Поторопился я, – понял ошибку Истомин. Ну не знает человек нашей специфики, мы можем и сутки пролежать для одного выстрела, но с минимальным риском для себя.

– Бывает. Хватит болтать, а то сейчас парни подползут и спеленают, – Петрович замолчал, а я наблюдал. Плохо. Не вижу больше ни одной цели. Сам так научил, вот теперь и расхлебывай. Этих «охранников» хрен найдешь.

– Я отойду, надо с другой стороны поглядеть, – прошептал я и начал медленно отползать назад. Двигался я очень медленно, настолько, что Петрович в нетерпении оглядывался. Я ему просто кулак показал. А что, это не в кабинете, здесь надо будет, я ему и пендала выпишу. И он, кстати, об этом прекрасно знает.

Сделав довольно приличный круг, я зашел под углом в девяносто градусов к бывшей позиции. О да. Вот тут уже двоих вижу. Но не наблюдаю того, что видели мы вместе с Петровичем. Просто он с этой позиции не виден.

– Батя, давай с противоположной стороны заходи. Двинь назад метров на двести, затем уйди в сторону настолько же, – я вернулся к Истому и стал раздавать указания.

– Чего, думаешь, оттуда лучше будет видно? – Петрович не любил ползать, вот и все. А наше дело – на пузе и еще раз на пузе.

– Я не думаю – я знаю. Парни тоже не больно любят в одиночку ходить. Сидят по двое, как пить дать. Ну или просто рядом располагаются.

– Как скажешь, командир, – ехидно осклабился генерал и начал движение, скопировав меня.

Отстрелялись мы вполне удачно. Трех из четверых убрали. Истомин промахнулся по своей второй цели, вот его и накрыли. Ох и матерился на меня генерал за то, что я парням приказал камнями кидать. Ему по башке попали аж дважды. Но вообще хорошо поползали, успокаивает меня это занятие.

С генералом мы стояли в стороне от «деревни», ожидая машину.

– Когда выходят? – я откинул штору с лица и взглянул в глаза Истомину.

– А я не знаю, когда у тебя будет готова группа. Лаврентий Павлович сам интересуется, когда вы сможете выйти на задание.

Я даже поперхнулся.

– А чего ты на меня так смотришь? Типа ты на гражданке и все это тебя не касается?

– Десять из шестнадцати полностью готовы. Последние шестеро прибыли совсем недавно, им еще учиться и учиться. Если, конечно, их не захотят слить... – я запнулся и отвел глаза.

– Я... этого... не слышал, – с долгими паузами прошипел генерал. – Скажешь кому еще, будет больно об этом вспоминать.

– Так точно. Разрешите получить инструкции?

– Все у Судоплатова. Но я взял копии, зная твое к нему «расположение». – Я улыбнулся. Наконец-то меня не стали отговаривать, а сами предложили дело. Хотя крайнее задание тоже было приказом. Я хорошо помню, как оно закончилось. Отныне только сам буду разрабатывать операции. Пусть только помощников дают, из тех, кто действительно может быть чем-то полезен.

– В конторе считаешь. Но тебе все равно в Москву придется ехать, там «консультанты» ждут.

– Петрович, ну ты и нахал! Ведь ты же для этого и приехал? – сказал я, делая ужасно огорченную физиономию.

– Просто начальство приказало тебя «обследовать», в здравом уме ты или как...

– Это о чем это? – я удивленно приподнял бровь.

– Ты с ребяташками тут развлекаешься, но обязанности у них есть и дополнительные.

– Тогда я не готов, – покачал я головой. – Идти в тыл к врагу с людьми, которые от тебя что-то скрывают, а тем более следят за тобой...

– Не выдумывай. Это не твои, Пашины ребята, из «деревни». У них приказ, ты вообще-то майор Красной Армии, должен понимать, что такое приказ. Сам знаешь, ты не совсем обычный человек. Я даже не упоминаю о том, откуда ты. Такое везение, да плюс твои открывшиеся способности снайпера, дорогого стоят.

– А что значит «не обычный»? – я успокоился, но вопрос меня заинтересовал. Парни мои, по всем неписаным правилам быстрее умрут, чем хоть малость мне навредят. Ну так был же опыт, так и этих воспитывал. Несмотря на то что почти все из них старше меня.

– Серег, давай честно. Светлана переживает?

– ТАК! Это еще о чем? – Петрович опять меня заводил.

– Сколько у тебя подтвержденных? – Истомин перешел на самую тяжелую для меня тему.

Нет, не то чтобы я уж прямо волосы на себе рвал, из-за всех тех, кого я отправил на тот свет, просто не хотелось, чтобы об этом кто-то знал. Но Мурат всегда вел записи, в штабах все учитывалось. А когда Светлана узнала, что я снайпер, как-то холоднее стала. Не знаю даже,

мне иногда стало казаться, что она меня боится. После долгих и откровенных бесед вроде все улеглось, но чую, что не до конца. Так вот, когда после очередной вспышки гнева я услышал:

– Более двухсот, – я малость задумался. А ведь тех, что неизвестны начальству, было еще больше. Мне как-то и самому стало не по себе. Самое противное, что узнала Светик не только о том, что я снайпер, а именно цифры. Жена Истомина вела с ним беседу обо мне. Просто разговаривали, я давно для них как член семьи, вот она и переживает. Она сказала мужу, что я после приезда стал другим, а тот ей и выпалил в сердцах о том, что станешь другим, убив столько людей, просто сам за меня переживал. Он ведь меня как сына любит. Весь этот разговор услышала и моя половинка, вот так секреты и расползаются. Главное, в чем он ошибся, это то, что фрицев людьми назвал. Из-за этого все и пошло-поехало.

– Петрович, по-моему, кое-кто уже один раз доболтался, – удачно воспользовавшись моментом, подковырнул я генерала. Он прекрасно осознавал, что если об этом узнают в руководстве, погоны точно полетят. Да и не только. Кто поверит, что он только «результат» случайно жене сболтнул, может, и про операции рассказывал. Ну, это уже так, паранойя.

– Не груби. Я ведь могу и рассердиться, – вполне серьезно проговорил Истомин. А я понял – шутки кончились.

На сборы и подготовку ушла неделя. Я-то как поправился – всегда готов, а вот ребята, которых я набрал в группу, все-таки новички. После долгих тренировок, наконец, выдвинулись. Почти неделю двигались к фронту.

Переход ленточки, ммм... Давно я тут не был. После всех моих приключений я вернулся на фронт. Более того, я иду за своими друзьями. Да, фриц сейчас совсем не тот. Посты редки и службу на них несут из рук вон плохо. Устал немец от войны и постоянных люлей от доблестной Красной Армии. Постоянные сбои в снабжении, вырезания целых подразделений с помощью снайперских и диверсионных засад. Командование развило мои фантазии до небывалых высот. Везде, где отсутствует большое количество танков, есть возможность уничтожить целую роту противника десятком хороших снайперов. Снайперов в полном смысле этого слова. Это уже давно не те люди, что сидели в окопе вместе с другими бойцами в соотношении один снайпер на роту. Снайперские команды в составе десяти-двенадцати бойцов, существуют теперь в каждой роте. Представьте себе эту силу. С новыми отличными винтовками, с хорошей маскировкой и прикрытием. Можно сказать, что в каждой роте один взвод это снайперская команда. Задержать атаку вражеского батальона – да не вопрос. Сосредоточенным огнем выбивают сначала командиров, затем пулеметчиков и минометчиков, если те в пределах видимости в прицел. На километр стрелять умеют очень многие, учителя хорошие. В основном, конечно, сибиряки и представители северных народов. Якуты вообще асы. Я когда узнал о количестве снайперских команд, только спросил у Петровича:

– Где людей-то столько берете? – Ответ оказался очень простым.

– Прямо в войсках и отыскиваем. Теперь все идут через учебку. Там замечают талантливых и начинают их проверять по всем показателям. Тем, кто подходит, предлагают заниматься углубленно, так и набираются группы. Плюс в действующей армии находятся многие, кто имеет талант.

Здорово получается теперь у диверсантов. Забрасывают группу в тыл врага, дают задание уничтожить переправу через какую-нибудь речушку. Звучит сложно, а на деле все гораздо проще. Группа прибывает на место, составляет план уничтожения и выходит на связь. Затем скрытно подбирается на рабочее расстояние для стрелков и просто вышибает прикрытие ПВО, охранные подразделения и ждет. Как правило, в течение пятнадцати-двадцати минут приходят штурмовики и все сносят к бениной маме. Немцы и рады бы прикрывать переправы более серьезно, но не станешь же все переправляющиеся части использовать для охраны. Кто дойдет до передовой, если войска будут раздвигать на охрану мостов? Вот то-то же. Обычно

охрана небольшого моста состоит из взвода солдат с усилением в виде танка или пары бронетранспортеров. Ну, иногда бывают минометы, но редко. ПВО, как правило, бывает на крупных переправах или железнодорожных станциях. Со станциями, конечно, сложнее, там нужно дольше наблюдать, занимать позиции так, чтобы можно было работать и в то же время быть на достаточном расстоянии от врага. В общем, Старинов развернулся с диверсами на отлично. Мужик просто прирожденный диверсант.

Тем временем мы миновали первую линию окопов, прошли на стыке двух подразделений и углубились в их тылы. Только раз пришлось пошуметь, случайно вышли на каких-то ухарцев, что развлекались в лесу. Фрицы тоже постоянно учатся, далеко не глупые люди. Тренировка у них была серьезной, даже оружие заряжено боевыми патронами. Это нам «язык» рассказал, взяли одного раненого и допросили. Фриц поведал, что еще с начала года в частях постоянно проводятся небольшие учения, в виде тренировок с егерями. Те натаскивают простых солдат в стрельбе и рукопашке. А то у них пополнения все моложе и моложе. Гребут со всей Германии даже не годных к службе в мирное время, а они вообще ничего не умеют. Просто как «мясо» немцы солдат не используют, их в Германии намного меньше. Один генерал после попадания в плен сказал, что если бы у фюрера было столько же солдат, сколько у Сталина, он уже выиграл бы войну. Поэтому тевтонцы учат своих солдат хорошо. Сразу по прибытию в войска их в окопы не кидают. Вот на такую группу из двадцати человек мы и вышли. Столкнулись резко, наш дозор засекли, действовать пришлось быстро, поэтому работали из оружия с глушителями и все сразу. Быстро допросив и добив раненого, мы в темпе убрались оттуда. Дальше попросту растворились в белорусских лесах. А как фрицы здесь дороги прибрали, вот где партизанам тяжело. Вдоль всех дорог немцы тщательно вырубili весь лес на пятьдесят метров по обеим сторонам. Хрен к дороге подойдешь. Допекли, видимо, их бойцы невидимого фронта.

Наш путь лежал в Западную Белоруссию. Туда мы и пробирались. Целых четыре дня потратили на сорок километров пути. Зато дошли без единого выстрела, кроме тех, кого в самом начале прикопали. Даже полицаев не трогали. Хотя ребята уж очень хотели их «потрогать».

– Командир, у нас еда кончается. Чего делать будем? – лейтенант Митрохин сидел рядом со мной и пытался вызвать на разговор. Парень попал ко мне из полковой разведки, внешне – полная моя копия. Ну, лицо только другое. По комплекции вообще нас можно спутать. Привел его ко мне Истомин, приглядел в одной из частей. Стрелок хороший, но вот в остальном... Да все, если честно, они здесь сейчас такие. Не знаю, как объяснить, «горячие» слишком, что ли, как по-другому назвать, даже не соображу. Долго биться пришлось мне с этой новой группой, чтобы под себя их заточить. «Испорченные» они уже были, войной «испорченные». В группе Зими́на было все по-другому. Там было самое начало войны. Парни просто слушали меня и делали так, как говорю. Потому что видели, как воюют те, кто не слушает командиров, а точнее, сколько минут проживет неподготовленный боец в реальном бою. Эти уже с характером. Помню первые дни, когда устроил им смотрины. После того как им было приказано охранять объект и искать возможную угрозу от снайпера, они провалили все. Я «убил» их всех, а никто меня так и не увидел. Трое уж очень сильно потом возмущались, что я их «завернул» и рекомендовал вернуть в действующую армию. Даже побить хотели. Меня тогда даже Истомин не стал сдерживать. Назвал это «вправлением мозгов». Ребятки решили меня втроем отмутузить после занятий. Прямо на полигоне. Двое со сломанными руками и ушибами отправились в санчасть, а один, самый резвый, что все это и затеял, поломал себе челюсть о мой сапог. Истомин тогда мне похлопал, но попросил быть поспокойней. Так вот, Митрохин как раз был вполне адекватный. Чуть более злой, чем надо, но в пределах нормы. Повоевал, дважды был ранен. Прошел Сталинград, для меня это был хороший показатель.

Мы уже неделю наблюдаем за жизнью крупного концлагеря в Западной Белоруссии. Я уже знаю, что будет делать тот или другой немец в определенную минуту. Мы их настолько хорошо изучили, что нетерпение ребят оправданно. Хотя меня как раз это сильно злит. Всегда при обучении настаиваю на самом главном для снайпера – умении ждать и терпеть. Вон у меня от постоянных тренировок кожа стала как резиновая. Комары уже даже не пытаются кусать, хрен там прокусишь. Помню, в той жизни читал про таяжных жителей, у тех дети летом вообще не замораживаются с комарами. Не замечают их, с рождения привыкшие. Так и я настолько стал твердокожим, что могу рядом с муравейником лежать и спокойно смотреть, как мураши через меня бегают.

– Сегодня начинаем.

– Позвать парней? – повеселев, спросил Митрохин.

– Собирай всех, кто рядом. С постов не снимай.

Когда задача была обозначена, я собрал людей покомпактней и объявил:

– Ребята, сегодня мы сделаем то, для чего мы столько готовились. Это не просто попытка освобождения наших бойцов. Вы ведь видели тот черный «членовоз», что приезжал в первый день наших наблюдений? – Ребята кивнули. – Так вот, если данные разведки верны, то машинка эта сегодня вечером будет здесь.

По данным Судоплатова, этот крупный лагерь раз в неделю посещает генеральный комиссар Западной Белоруссии, точнее тех остатков территории, что еще у Рейха. Тот является очень важной шишкой в Рейхе, а после моего вмешательства в историю послезнание уже давно ничего не значит. Вот и нужно этого хрена взять живым. Не совсем моя работа, как раз наоборот, но и брать его будут судоплатовские, я только помогу. Лагерь был трудовым, там были развернуты какие-то производства для нужд армии, поэтому, как ни странно, но к заключенным относились вполне сносно. Это мы по наблюдениям знали. Охраны много, но вся грязная война будет на бойцах Павла Анатольевича, мы займемся своей работой, на нас вышки, офицеры и бронетранспортеры. В моей новой группе десять человек. Трое с ВСК, остальные с «выхлопами».

Я, как лучший снайпер, по крайней мере, в этой группе, вначале буду помогать ребятам. Когда начнется штурм, я должен уничтожить окружение этого «комиссара» и повредить его самого, но так, чтобы жив остался. Да, я так могу. Из действующей армии я один имею такие результаты с «выхлопом», какие другим не снились. Под Ленинградом на нашем полигоне я случайно увидел вдалеке какое-то животное. Вскинув мгновенно винтовку, разглядел волка и шлепнул его на бегу. С четырёх сотен метров. Нет, охотники, конечно, есть и более быстрые, но вот по людям стрелять, как я, умеют немногие. Я теперь стреляю туда, куда хочу, а не просто стараюсь попадать.

Винчестер в этот раз я не брал. Будем работать тихими. Хотя когда эта сука вылезет, тихая винтовка в принципе будет уже и не нужна, тут всю войну начнется. Охрана здесь еще та, почти рота СС, но от Судоплатова тоже будет не два человека. Два отделения подготовленных волкодавов, да еще мы рассчитываем на пленных. Надеюсь, они не подведут.

– Командир, второй пришел.

– Доклад, – коротко бросил я.

– Машина пришла. Объект – в штабе, машину после ремонта колес и мойки поставили в гараж. Водилу видели гуляющим со свободными от службы солдатами.

– Молодцы, отлично поработали. Так, лейтенант, зови «десятого».

«Десятым» был молоденький паренек, восемнадцати лет. Маленький, худой, он так быстро и незаметно передвигался по лесу, что все только завидовали. Даже я.

– Товарищ командир, – передо мной стоял и улыбался «десятый».

– Сема, ты все знаешь, дуй к парням. Готовность – ноль.

Парень тут же испарился. В шесть утра начинаем, у всех есть точные инструкции. Кому и что делать, за неделю наблюдений уже распределили. Так что с рассветом начнем. Сначала нужно уничтожить солдат, сидящих в секретах. Да нашли мы их, нашли. Зря, что ли, столько времени тут сидим. Они и «подказали» нам лучшие места для стрельбы по позициям охраны лагеря. Просто секреты у фрицев располагались в таких местах, откуда было бы удобнее всего работать по лагерю. Они устроили засаду на нас, а засадили-то именно мы. Мы оправдали надежды немцев, пришли туда, где они и ждали, только вот враги об этом узнали слишком поздно. Сейчас их вырежут, у них как раз смена была час назад. Следующая уже не придет.

Вышек было восемь, я говорил, что лагерь большой. «Выхлопов» у нас семь, я возьму на себя две вышки. Дальше огонь по периметру.

И самое главное. Обе линии связи, что обнаружили, будут подорваны, как только начнется стрельба. Больше не нашли, как ни искали. Единственную дорогу ребята так минами засеяли, что полк положить можно. Остается одно, радиосвязь, по двум антеннам, что виднеются над штабом, будут работать обе ВСК. Надеюсь, повредят.

Забрезжил рассвет. Все, кто успел поспать, уже час приводили в порядок экипировку. Точнее, в сотый раз проверялись. Магазины к «выхлопам» – десятизарядные. По идее, судоплатовским и не достанется никого. Но любой план идет в жопу после первого выстрела.

Я сидел, оперевшись спиной на толстый ствол древнего дуба. Так как все подступы к лагерю у немцев как всегда голые и минированные, расстояние до вышек у нас пятьсот метров. Ползали, промеряли всё и вся. Почти все расположились на деревьях. Я такую рогатину удобную смастерил, лучше сошек будет. Листва уже стала помаленьку облетать, обзор был вполне достаточный.

«Надеюсь, в лесу все сработали, как надо, пора начинать, – подумал я и взглянул на часы. – Раз шевелений и стрельбы со стороны фрицев нет, значит, все удалось».

Я выбрал себе цель еще вчера. Позицию занял так, чтобы быстро перенести огонь на вторую вышку. После первого упавшего часового начнут стрелять и остальные. Себе же я отметил три цели, что гарантированно поражу.

Всегда почему-то первый выстрел кажется очень громким. На деле же был просто приглушенный «пыхх». Первая жертва еще не ударила костями по полу вышки, а я уже не глядел на нее. Хрен ли там смотреть, промахиваться разучился еще в сорок первом. Второй также ничего не понял. Так уж вышло, что мои двое упали быстрее, чем все остальные. Нет, ребята молодцы, уверен, что каждый сделал не больше одного выстрела по своей цели. С моей позиции я просматривал примерно пятую часть всей территории лагеря. У остальных тоже с этим порядок. Но все равно наверняка будут промахи, по причине выстрелов в одну цель. Расположились мы по всему периметру, так, чтобы исключить любые маневры противника. Осматривая левым глазом местность за забором, я не отрывал правый от прицела. Вот какой-то ушлый немчик бежит к гаражу, за машиной, видимо, собрался, ага, давай.

«Упс, эк тебя кувырнуло-то», – усмехнувшись, я продолжал искать цели. Фриц и так быстро бежал, а полетел, подгоняемый моей пулей, что твой самолет. Цели были, но не на каждую я обращал внимание. На хрена мне лезть в чужой сектор, своих подожду. Во, я же говорил. Пара бугаев в черной форме направилась к штабу, хорошо прикинуты ребята. О, а это еще что такое, наблюдатели этого не докладывали. На одном из сараев, не знаю, казарма там, что ли, сдвинулся в сторону настил крыши. Несколько досок наверняка сбиты в щит. А из проема размером в метр показались стволы зенитных эрликонов.

– Э-э, нет, ребяташки, тут вам не там! – ловлю на мушку заряжающего. Расчет убрал остатками магазина и быстро сменил его, поставив новый. Вот теперь давайте следующих. Первыми десятью выстрелами я точно убил десять человек. Ранений там не было, сто процентов.

Промахов у меня по малоподвижным целям практически не бывает. Высадив второй магазин, с горечью отметил, что последние два выстрела сделал не по своему сектору. Кончаются фрицы быстро что-то. Вдруг раздался громкий свист, и на территорию лагеря начали падать мины. Да мало, всего два ствола приперли судоплатовские, но это, блин, два восьмидесятидвухмиллиметровых ствола! Немчуре как-то сразу поплохело. С вышек поддержки нет. В лес стрелять бессмысленно. Два БТРа, что находились у ворот, уже дымились. Ребята с ВСК тоже не спали. И вот итог, я от удивления даже на часы посмотрел. Тринадцать минут. Над штабом гордо взвился белый флаг. Черт, а на хрена они нам все нужны-то. И как теперь быть? Ладно, я командир, я и пойду. Дав зеленую ракету, сигнал закончить стрельбу, я убрал винтовку за спину.

Спустившись с дерева, я направился прямо к воротам. Идти прилично, подстрелить могут даже не напрягаясь. На полпути я остановился и присел на корточки. Вынув из кармана бинт, распотрошил его и помахал над головой. Я знаю, что с нашей стороны сейчас все прилипли к прицелам, думаю, если кто у немцев и сбрендит, то только так, чтобы его не было видно. Тогда мне кирдык. Но обошлось, как оказалось позже, дураки у немцев почти кончились. Все жить хотят. Со стороны ворот показался человек, даже отсюда я видел щегольскую черную форму СС, красиво расшитую серебром. Приблизившись метров на пятьдесят, немец, ого, цельный майор, окликнул меня, причем по-русски:

– Мой командир приглашает вашего на разговор, – на прекрасном русском языке произнес фриц.

– Вы думаете, что наш командир страдает отсутствием ума? – вопросом начал я.

– Ваши предложения? – подумав пару секунд, недовольно, но еще спокойно продолжил немец.

– Как вы хорошо говорите по-русски, учились у нас в стране до войны? – я вел разговор в том ключе, что был нужен мне.

– Я не немец, – коротко и вот теперь уже зло ответил не немец.

– Да я понял уже. Эстония, Литва?

– Последнее, это как-то мешает нашим переговорам?

– Вот значит как. Пока я не вижу помехи побеседовать с господином обергруппенфюрером. – Ой, а чего это нас так перекорежило?

– Вы хорошо осведомлены, – нехотя отозвался «литовец».

– Ну так служба. Вы неправильно сформулировали, переговоров не будет. Разговор у нас будет только один, вся охрана должна быть разоружена и построена у ворот. Если не будет происшествий, все останутся живы. Слово офицера! – Ух как его пробрало. А связи-то у вас нет, иначе ты бы не вышел. Майор как-то съёжился, но нашел в себе силы ответить.

– Извините, не знаю вашего звания... – начал было он.

– Майор, – коротко бросил я.

– Господин майор, если мы сложим оружие, контингент выйдет из-под контроля. Последствия могут быть печальными.

– Давайте сделаем так: Господин обергруппенфюрер пусть сядет в свою красивую машину. Возьмет вас с собой, раз уж мы познакомились, и выезжает сюда. Здесь и поговорим.

– Так вы и есть командир? – как-то изумленно воскликнул эсэсовец.

– А почему я не могу им быть?

– Вы очень молоды, – и как он под гримом разглядел, – но это, конечно, не проблема. Хорошо, я передам своему руководству ваше предложение.

– Не делайте глупостей, господин майор. Это искреннее пожелание. Я думаю, что вы далеко не глупец, чтобы не понимать последствий. Нас здесь достаточно, чтобы раскатать по бревнышку весь ваш лагерь. Дорога заминирована, это так, на всякий случай. А стоит нам отпустить так называемый вами «контингент»... Я думаю, вы все поняли?

– Я все понял. С вашего позволения. – Фашист смело развернулся и направился к воротам.

Спустя минуту ко мне подскочили двое ребят. Митрохин из моих и капитан судоплатовских «волкодавов».

– Командир, ты чего, охренел? – Митрохин с выпученными глазами накинулся на меня.

– Товарищ майор, я буду обязан доложить, – подхватил «волкодав», но более спокойно.

– Мужики, вы чего тут разошлись? У вас есть какие-то мысли, как нам дело сделать и пленных вывести без потерь?

– Могли бы и мы поговорить с немцами, вам не велено высовываться.

– Так, мужики. По-моему, вы не «вкуриваете» тему. В «поле» я делаю так, как считаю нужным, кстати, руководство именно это имело в виду, ставя вас в известность по моим полномочиям. Вернемся, пишите все, что хотите, а сейчас – не мешайте. Или уже я докладывать буду! – Черти полосатые, нашли время уставы вспоминать. – Капитан, вы ведь старший у своих, останьтесь со мной, мне может понадобится ваша помощь. Митрохин, кругом, держи машину под прицелом. Если машина пойдет на прорыв, отстреливай колеса. Если во время разговора я высуну руку в окно или положу на голову, убираешь водителя, этого майора. Дальше по обстоятельствам. Эта падла, группенфюрер, должен быть взят. Самолет прибьет быстро, на связь выходите не здесь. Держи мою сумку, в ней все планы, разберетесь. Вон, фашисты показались, иди.

За воротами лагеря действительно показалась машина. Двое охранников, кстати, что приятно, без оружия, поспешили открыть створки. «Членовоз» медленно проплыл через распахнутые ворота и, проехав десяток метров, остановился. Я встал с земли и, проводив взглядом удаляющуюся фигуру снайпера, повернулся к фрицам. Те намек поняли, и машина поплыла к нам с капитаном.

– Володя, молчи, пожалуйста, не в обиду, – тихо сказал я капитану. Тот кивнул в ответ и напрягся.

– Господин майор, – начал разговор обергруппенфюрер, когда мы оказались в машине, – вы не похожи на обычного пехотного майора.

– Я им и не являюсь, – просто ответил я.

– Из какой же вы организации?

– Зачем вам это? И да, майор, – обратился я к эсэсману, – не утруждайте себя переводом. Я прекрасно понимаю господина обергруппенфюрера, – добавил я, перейдя на немецкий язык.

– Вы неплохо говорите на языке Гёте, – сделал мне комплимент «обер». Я в ответ чуть склонил голову.

– Вы сказали моему человеку, что выбора у нас нет?

– Выбор есть всегда. Только в вашем случае он очевиден. Как я уже сообщил майору, дорога заминирована, пешком по лесу вы не пройдете и пары километров. Тут и посты наших солдат, да и просто условия не располагают к прогулкам. До ближайшей вашей части, зенитчиков, если не ошибаюсь, почти двадцать километров. Забудьте об этом. Для вас и ваших людей война может быть закончена уже сегодня. Поверьте, это лучшее, что может быть в вашем случае.

– Вы переправите нас в Россию?

– Вы и так в ней, – я ухмыльнулся. – Я посчитал вас умным человеком, когда вы предложили переговоры. Зачем эта бессмысленная бойня, вы должны сами уже понять, войну Германия проиграла. Причем еще в сорок первом.

– Почему вы так уверенно об этом говорите, ведь мы еще находимся с этой стороны границы?

– Господин обергруппенфюрер, когда была последняя бомбежка или штурмовка ваших позиций?

– Ну, я как вы знаете, тыловик. Но честно признаюсь, сам думал о том, что тишина на фронтах затянулась.

– Вот, я же говорил, что вы умный человек. Скоро, очень скоро вермахту придет полный и окончательный конец. И умным людям лучше встретить его в безопасном месте.

– Безопасное место это НКВД? – ухмыльнулся теперь «обер».

– Я в курсе тех бредней, что выкрикивает с пеной у рта Геббельс. Если будете сотрудничать, то все будет к взаимному удовлетворению.

– Но я ведь член НСДАП, как к этому отнесется ваше руководство? Вы ведь вряд ли сможете дать мне какие-то гарантии?

– Мое руководство не стреляет людей, как свиней, только за принадлежность к партии. Но, конечно, разговор будет серьезный.

– Я это понимаю. Что ж, я жду ваших указаний. Мои люди подчинятся. Только ведь у вас действует приказ о войсках СС?

– Да, это так. Но тут несколько другая ситуация. Наши требования те же. Пусть ваши люди сложат оружие и амунизию возле ворот и построятся вдоль стены лагеря. С внутренней стороны. Вы, после того как отдадите приказ, выйдете сюда. Без оружия и пешком. Не бойтесь, идти далеко не придется.

Мы вылезли из машины, я отдал капитану распоряжение выйти на связь и вызвать два самолета. Площадки готовы, только подсветить кострами. Улетать будем вечером.

«Обер» стоял рядом со мной и внимательно слушал, как будто и понял чего.

– Мы отправим вас самолетом. Линия фронта тут недалеко, перелет будет быстрым.

– Наша авиация не помешает? – трясется за свою тушку старый фашист.

– У вас ее здесь почти нет. Да и у наших транспортников будет прикрытие.

– Все же, господин майор, зачем я вам так нужен?

– Мне? – удивился я.

– Ну да, конечно. Это мне объяснят по ту сторону линии фронта.

– Именно так.

Что произошло дальше, я едва уловил. Стоявший тихой мышкой майор СС вдруг выхватил откуда-то эсэсовский кинжал и, зайдя ловким движением за спину своего командира, поставил клинок к горлу.

– Так я и поверил, что нас оставят в живых. А ты, – он наклонил голову к «оберу», – предал все интересы Германии. Я перережу тебе глотку, и красные останутся с носом.

– Глупо.

– Что? – рывкнул майор, вскидывая глаза на меня.

– Говорю – глупо вы поступили, майор. Кажались нормальным человеком. Давайте я вам кое-что покажу, – предложил я, медленно поднимая руку.

– Стой смирно, майор, а вы, господин обергруппенфюрер, медленно назад, к машине.

– На что вы надеетесь, майор? – скривил лицо я и положил руку на голову.

Казалось, пролетающая пуля обдала меня ветром. Настолько близко, что я даже поежился. Митрохин показал себя. Обергруппенфюрер стоял весь в кровище и мозгах майора литовца, а тот заваливался на землю, потеряв по дороге голову. Предлагая ему показать кое-что, я хотел, чтобы он высунул голову чуть больше. Митрохина уговаривать не пришлось. Классный выстрел. Как говорится – один на тысячу.

– Хороший выстрел, – тихо, растягивая слова, произнес «обер». Надо отдать должное, в его голосе не было страха, только искреннее удивление.

– Да, мне тоже понравилось. Скажите, обергруппенфюрер, еще сюрпризы будут?

– Теперь я не уверен в спокойном завершении дела. Если я вернусь, ничто не помешает им меня убить или взять в заложники. Иначе отдать приказ не представляется возможным.

– А мы пойдем вместе, до ворот. Мои ребята наблюдают за нами.

Мы с комиссаром двинули пешком к воротам. Возле ограждения его окликнули, и на нас уставились четыре ствола.

– Вы же понимаете, что всех тут просто уничтожат, если меня убьют? – произнес я. – В ваших интересах образумить охрану. – Фриц кивнул.

– Опустите оружие, лейтенант. Вы же видели, что случилось с майором. – У меня гора с плеч свалилась, когда винтовки опустились. Видимо, герои закончились.

– Прикажите охране построиться по этой стороне ограждения. Да, там они будут под прицелом, но если не будет попыток провокации, все останутся живы. Слово офицера.

Команду своего начальника фрицы выполнили в течение двадцати минут. Еще через такое же время подошли бойцы из группы Судоплатова. Пятнадцать человек прошли мимо охраны и начали шмон лагеря на предмет затаившихся врагов. Еще пятеро собирали оружие и обыскивали эсэсманов. Удивительно, но случаев неповиновения было всего два. Первым взбрыкнул белообрый гауптман, не захотел сдать кинжал, за что и получил. А еще один унтер решил, что он бессмертный. Ну или просто дурень был. С голыми руками на «волкодав» Судоплатова? Это даже не смешно. Парень, что стоял рядом, даже не выпустил из рук оружие, просто мягко скользнул в сторону от прыгнувшего унтера и ударил его ногой в колено. Что-то хрустнуло, и унтер, проклиная всех и вся, закрутился по земле. Проклинал, кстати, по-русски. Да, задрали эти прибалты. Больше эксцессов не случилось, и всех охранников благополучно затолкали в домик, что стоял рядом с проходной. Там было одно помещение, пришлось их серьезно уплотнить, но им объяснили, что это ненадолго, поэтому роптания не было. В общем, нам в очередной раз удалось сделать дело. Не знаю, как выйдет с отлетом, но пока все идет неплохо. Бойцы Судоплатова спокойно прочесали лагерь, заняли вышки. Из леса нас прикрывают мои ребята.

– Командир, вот списки. У них тут все по номерам, но вроде номера зависят от первой буквы в фамилии.

– Господин обергруппенфюрер, поясните? – обратился я к комиссару, переведя ему слова своего бойца.

– Ваш человек прав, вам нужен какой-то конкретный человек? – слегка удивившись, задал вопрос «обер».

– Да, возможно, что я найду его здесь. Ведь здесь вы держите все национальности?

«Обер» слегка вздрогнул, но ответил:

– Вы наверняка знаете о...

– Комиссарах и евреях? – продолжил я фразу запнувшегося «обера».

– Да. Вы же понимаете...

– Нет, меня интересуют, скажем, грузины. Есть они в вашем лагере?

– Таких разделений не было. Посмотрите по фамилии, может, найдете того, кто вам нужен, – просто ответил комиссар.

Я попросил бойца найти мне букву «Р» и открыл гротенк. Почему я стал искать именно грузина, думаю, пояснять не стоит. Сколько может быть в этом лагере русских с одинаковыми фамилиями, а уж найдя Вану, остальных я найду быстрее.

Уже пролистывая четвертый лист, я обнаружил того, кого искал.

– Барак четыре дробь два, где это? – повернулся я комиссару.

– По средней линии, отсюда четвертый, – пояснил «обер».

– Хорошо. – И обратившись к бойцу, что помогал мне со списками, продолжил: – Дайте мне человека в сопровождение.

– Я сам с вами и пойду, здесь и без меня справятся.

Вот и пришло, наконец, время найти моих ребят. Не знаю, в каком они состоянии, но очень надеюсь, что все хотя бы живы. Мы с сопровождавшим бойцом вышли из штаба, оставив «обера» под наблюдением двух бойцов, и направились к баракам. Повсюду с самого начала всей возни раздавались крики, гомон. Откуда-то даже угрожали. Щели-то в бараках есть, нас прекрасно видели. Меня пока никто из своих не окликал, но меня и узнать трудно. Я только штору с лица убрал. Весь в лохматом камуфляже, как куча травы хожу, морда раскрашена, так что и неудивительно. Найдя нужный барак, мы остановились. Я кивнул своему сопровождающему, и тот, подойдя к дверям, произнес:

– Товарищи красноармейцы, да, мы захватили лагерь, но в целях избегания давки и паники просим проявить терпение и понимание. Надеюсь, всех прихлебателей и предателей вы уже удавили, и работы нам осталось немного. Сейчас мы откроем ворота, выходите и стройтесь вдоль стены. Всем все ясно? – В бараке была тишина. Голоса там умолкли сразу, как только мы заговорили, поэтому четкий голос одного человека, по-видимому, из командиров, был хорошо слышен:

– Ясно! Товарищи бойцы, прошу соблюдать порядок, вы военнослужащие Красной Армии, и я не буду объяснять известное каждому.

Мы открыли ворота, и спустя пяток секунд из них вышел человек. Сразу было видно, что это бывший командир, выправку не спрячешь.

– Майор Красной Армии Степанов, 312-я стрелковая дивизия. Командир полка, – отчеканил бывший пленный и встал по стойке смирно.

– Вольно, товарищ майор, вы старший по званию в этом бараке?

– Так точно, извините, не знаю вашего имени и звания.

– Майор, имя вам без надобности, стройте людей, товарищ майор, – я заметил, что командир покивал своим мыслям, когда я отказался назвать имя. Понимает.

Через пять минут построение было завершено, а майор докладывал о бойцах. Кто ранен, кто болен. Но я стоял и смотрел на своего «большого» друга. Того, кто не раз спасал мне жизнь.

– Что, так и не поднимешь глаза на своего командира, товарищ старший лейтенант Ревиншвили?

– Бывший лейтенант, товарищ командир, – ответила мне гора мышц, но головы не подняла.

– Отставить эти панические настроения, боец. – Меня разрывало нетерпение. – Здравствуй, Ваню.

Гора мышц подняла наконец глаза и робко посмотрела на меня.

– Прости, командир... – Но я уже не слушал его, бросился вперед и, насколько смог, обхватил этого бугая. А Ваню заплакал.

– Товарищ командир... – начал было Ваню, когда мы отошли на несколько метров от строя.

– Ваню, ты чего, забыл, как меня зовут? Меня, которого ты столько раз вытаскивал на себе из самой глухой задницы? Все доклады потом, как ты и где парни, вот главное.

– Всех видел здесь. Нас раскидали по разным баракам. На работах иногда встречались. Сам нормально.

– Есть хочешь? – спросил я у друга.

– Неплохо бы. Эти не больно желали нас кормить, – указал Ваню в сторону штаба.

Я отдал приказ начинать строить всех заключенных у бараков. Назвал фамилии своих друзей и попросил, чтобы их привели во фрицевскую столовую. Остальных тоже будем кормить, конечно, этим займутся бывшие пленные командиры.

– Пойдем, парней найдут и приведут к нам. Поговорим позже.

– Как ты нас нашел, Серега?

– Стечение обстоятельств. Удачное расположение звезд на высоких погонах... Шучу.

- Да, не хватало нам твоих шуток. И вообще, без тебя...
- Толя дошел, – прервав Ваню, проговорил я.
- Как это, опять шутишь? – Ваню застыл с поднятой ногой и вытаращил глаза. – Он же пулю в голову получил?
- Вот тебе и как! Сколько он полз, никто не знает, но вернулся, и это главное. В госпитале без сознания три месяца. Очень тяжелый. Когда приходил в себя, один раз буквально на минуту, пробормотал, что вы в плену, дальше стали судоплатовские землю рыть. Когда сюда выдвигались, врачи сказали, вытянут Круглова назад. Обещали.
- Вот это да. Никогда бы не поверил, если бы кто-то другой сказал.
- Как остальные? – спросил я у друга, когда мы расположились в столовой.
- Ты про Деда? – Ваню меня понял.
- Да.
- В порядке, насколько это можно в плену.
- Да забей ты. Все уже, кончился плен, – встряхнул я друга, увидев, что его гнетет пребывание в плену.
- Так ведь еще разбирательства предстоят, – заметил Ваню. Взгляд у него совсем потухший, но ничего – зажжем.
- С вами будет проще, обещаю. – Я и правда так думал.
- Ты сам-то как, где мой казахский друг? Опять где-то по округе ползает? – этого вопроса я ждал и очень волновался. Тяжело вздохнув, встал из-за стола и, открыв взятую у фрицев бутылку, кстати, коньяка, начал скручивать пробку.
- Вот значит как, – с горечью и болью прошептал Ваню одними губами. Я разлил в два стакана по чуть-чуть темной жидкости и поставил бутылку на стол. – А я уж понадеялся, что вся наша группа соберется. Как в сорок первом.
- Погиб наш друг, Ваню, героем был и погиб как герой. Меня спас, а сам... Давай потом, тяжело все это вспоминать. – Мы стоя выпили, и Ваню вдруг уставился на меня.
- Ты же не пьешь, командир? – удивленно воскликнул грузин.
- Больше не буду. Когда выбирался, эта хрень мне жизнь спасла. Петрович мне, помнишь, советовал, что иногда помогает? Ну, так вот я на этой хрени и вылез.
- Жарко было? – с сочувствием спросил Ваню.
- Да уж не замерз. Ладно, это все потом. Ешь давай. Ты ведь у нас большой!
- А чего ты меня «старшим лейтенантом» обозвал? – Ваню наворачивал какой-то гуляш, хорошо фрицев кормят.
- Вам всем после переаттестации присвоены новые звания. После проверки вернут и погоны, и награды. Я обещаю, трясти сильно не будут. И Петрович обещал.
- Спасибо ему. Не забыл, значит.
- А как он забудет? Если бы он со мной не мотался, вас бы сюда и не забросили. Это же Судоплатова была инициатива. И вообще, Петрович для нас ведь как настоящий отец. Батя – и этим все сказано.
- Да, дельце нам подогнал товарищ Судоплатов... – сморщился Ваню.
- Ему от наркома влетело хорошо. Но война, друг. Сам должен все понимать, не маленький. Достаточно вспомнить сорок первый, то, где все мы начинали.
- Да я понимаю. Ты-то все сделал? Если честно, то не рассчитывали тебя уже увидеть. Зимин говорил, что уж больно далеко вас заслали. Да и мы в ж... оказались.
- Да все сделал, – поморщился уже я. – Как оклемался, вот Героя дали. Мурату тоже – посмертно. – Я молча опять налил.
- Разрешите обратиться, товарищ майор, – вдруг раздался голос из-за спины. Я обернулся. В дверях стоял боец из «волкодавов».
- Слушаю.

– Всех нашли. Ждут снаружи.

– Так заводи.

И тут я увидел всех своих друзей. Наконец-то наша армейская семья в сборе, не хватает только Мурата и Толяна. Ребята зашли с поникшими головами и встали так же, как до них стоял Ваню.

– Чего там на полу интересного, товарищи офицеры? Гривенник закатился? – с хитринкой в голосе спросил я. Глаза всех прибывших загорелись ярким огнем, и парни кинулись ко мне.

– Ну хватит, хватит, черти. Кости уже трещат, – взмолился я, когда начал уставать от объятий.

– Серега, командир, братка! – кричали и галдели наперебой друзья. В таких честных, настоящих мужских объятиях я давно не бывал. Вот это и есть настоящая дружба. Наверное, именно этого мне и не хватало после возвращения.

Позже я отдал распоряжение о построении всех пленных. Толкнул короткую речь. Самым старшим в лагере оказался дивизионный комиссар, еще с сорок второго тут. Был захвачен в солдатской форме, вот и остался жив. Не вопил и не говнялся, и то хорошо. Были три полковника, шесть майоров, четыре капитана и десяток лейтех. Остальные рядовые, да несколько сержантов и старшин. Вообще-то я был очень удивлен видеть здесь командиров. Ситуацию прояснил высокопоставленный «язык».

– Я по своей инициативе оставлял здесь офицеров, солдаты под привычным руководством лучше работают и не придумывают способов бегства.

Самолетами вывозить такую ораву не получится. По радио нам был дан приказ о формировании отряда и на прорыв своими силами. Вооружить удалось только двести человек. Но так как до линии фронта тут около сорока километров, с той стороны будет помощь в виде наступления танковой бригады. Должны бывшие пленные выйти, должны. А мне с друзьями и обергруппенфюрером был приказ вылетать самолетом. Ребята сначала покривлялись, дескать, они со всеми вместе пойдут. Но я рявкнул, что приказы не обсуждаются, и все примолкли.

В общем, ушли мы нормально. Потерь не было, начальство было довольное. Позже узнал, что при прорыве линии фронта погибла почти половина бывших пленных. Ну, а как еще? Война, немцы сейчас злые, люлей получают по всему фронту, а тут такая наглость. Да ещё и прорывающиеся наглецы были почти голые и без оружия, вот поэтому и потери.

Ребят мариновали около недели. Причем в госпитале. Никого не посадили, все обошлось. Ребята попали в плен чуть «теплыми», почти все без сознания. Повезло, сразу не добились, а в лагере свои выходили, короче, их оправдали и после восстановления вернут на службу. Хотел перед Берией за них поручиться, так даже и не пришлось. Ребята ранее уже всем все доказали. Как мне пояснил Истомин, если бы они сотрудничали с режимом оккупантов или раскрыли какие-то важные секреты, их в лагере точно бы не было. Я опять осел в Ленинграде. Так и буду, наверное, готовить группы. Мои новые подопечные получили боевое крещение. Причем сразу выполнили на отлично первое же задание. Дальше им предстоит служить без меня. Я специально тренировал их так, чтобы моей значимости в группе было минимум. Оставляю себе только Митрохина и Сему, того, что так хорошо двигается по лесу. Да и вообще, доволен я им был, для нашей группы парень отлично подходил.

Попросил Истомина выбить ребятам отпуск на восстановление и перебросить ко мне. Отдых нужен был всем, а им после плена особенно. А там посмотрим, куда выведет.

Прошел месяц. Парней вернули в строй, сейчас они со мной в Ленинграде, тренируются, вместо отдыха. Скоро подходит конец срока, что им дали на восстановление сил и здоровья.

Я не выделял уже особо Деда. Просто за годы войны все мы стали друг другу братьями. Мы и правда были семьей. Со Светланкой мы помирились и больше не ругаемся. Она все поняла и простила меня за мой характер. Радовалась, что меня пока не собираются отправлять на фронт. Хотя я уже думал о том, чтобы проситься вместе с парнями. Боюсь их отпускать, одного потерял и хватит. Толя идет на поправку. Уже в сознании, но вставать не дают. После такого срока в бессознательном состоянии его держали под плотным присмотром врачей. Говорили, что все будет хорошо, но сразу заявили, что ему светит полная демобилизация.

– Триста метров, на два часа. – Винтовочный ствол, обмотанный грязно-белой лентой, чуть сдвинулся. – Видишь его?

– Вижу, готов, – я убедился, что вокруг нет наблюдателей. Иначе риск большой, уберешь одного, а взамен еще десяток вылезет.

– Стоп, Четвертый засветку усек, – Митрохин слушал рацию. – Дальше, примерно настолько же, но левее. Опытный черт.

– Во-от, вижу его. Стрелок именно он, ближний приманка. Не трогайте этого ушлепка, стрелка я возьму. – Как хорошо стало со связью. Недавно нас оснастили небольшими рациями, причем хорошо защищенными. В круговерти уличных боев засечь нас очень трудно. В городе постоянно работает не один десяток радиостанций, и найти нужную у немцев не получится. Это у себя в тылу они смогут запеленговать любой передатчик, а во время боя, да когда отступают...

Шел ноябрь 1943 года. Мы уже за границей. Идут бои на Варшавском направлении, и нас направили на свободную охоту. Да, я вернулся на фронт, решили вместе с женой, что так будет лучше. Варшаву будет штурмовать Константин Константинович Рокоссовский, не лично, конечно, а его Первый Белорусский фронт. Ну а мы тут зависли в Белостоке. Тут организовалась довольно большая банда подпольщиков. Суки, валят наших исподтишка, прикидываются гражданскими или бойцами польской армии, а потом стреляют в спину. Ну не воюем мы с безоружными, а эти гады его прячут. А теперь вот еще ими стали пользоваться наши коллеги из СС. Этих подставляют и работают снайперскими группами, отстреливая наших командиров. Мы было уже проехали этот город, но Рокоссовского, который знал, что мы тут, попросил Горбатов. У того треть штаба выбили, вот и попросил помочь. Да, с недавних пор нашу группу просят помочь, а не приказывают. Даже Жуков.

Не знаю, то ли крайняя командировка на нас всех так отразилась, то ли еще что, но мы стали как заговоренные. А главное, поперла какая-то военная удача. Ранений нет, стрелять лично я стал еще лучше. С рациями теперь вообще красота.

– Передай мне «семидесятку», я на этом эсэсовце автограф оставляю, – с недавних пор из «винчестера» я делаю мало выстрелов, но зато каких. «Винчестер» приятно скользнул в руку. Патроны внутри, патроны я для него снаряжаю теперь сам. Все, от капсюля до навески пороха и придания формы пуле, все делаю сам. И «винт» меня за это благодарит.

Колпачок с прицела повис на коротком шнурке, и глаз зацепился за картинку. Двенадцатикратная оптика на такой дистанции просто мечта. Видимость сто процентов. Я не вижу только цвет глаз стрелка, остальное хоть картину пиши. Вижу расцветку камуфляжа на рукавах, маску с прорезью для глаз. Палец выбирает короткий ход спускового крючка и замирает на мгновение. Спуск настроен на усилие в полтора килограмма, очень легкий. В этот момент цель как будто что-то почувствовала. Ствол винтовки противника медленно доворачивается в мою сторону и... Ничего он сделать не успел, как и многие до него.

– Второй, снимите с него позже винтовку. Только там оптика под замену.

– Девятый, если бы сам не видел, никогда бы не поверил. Прямо через прицел, – Митрохин искренне радовался.

– Так снизу вверх другого варианта не было. Слишком укрыт был, винтовка руки и каска. Не в железку же стрелять.

– Хочу так же научиться, – вздохнул Митрохин.

– Хочешь – научишься. Я же не с рождения так стреляю.

А вообще – да. Стрелок из меня получился приличный. А главное, научился наблюдать. Вот и сейчас ребята шмонают «приманку», в трех сотнях метров от меня, а ни хрена вокруг себя не видят.

– Второй, внимательно. Десять метров от «приманки», двор видишь. Кто там шарится?

– Никого не вижу. – Митрохин внимательно обводит прицелом «выхлопа» место, на которое я указал.

– Кто там из наших? – спросил я.

– Да вроде Восьмой полез, – не очень уверенно произнес Митрохин. Мы, когда воссоединились с группой и начали снова тренироваться, взяли себе числительные позывные. Восьмерка у Кости Иванова. Четвертый – Саня Зимин. Второй у Митрохина. Трешка – Дед. Седьмой – Ваню. Пятый у Семы, ну а я – Девятка. Первый, я думаю и так понятно, у кого.

– Дай мне рацию, – Второй вытянул левую руку с рацией ко мне. Она у него под рукой лежала.

– Восьмой! – я сделал вызов.

– В канале, – получил бодрый ответ.

– Замри, – бросил я и положил рацию рядом. Взглянув в прицел, опять шепнул Андрею: – Теперь видишь? – Там действительно нарисовались двое.

– Теперь да.

– Работай. – Пусть учится. Там не снайперы, охоты на нас пока нет.

– Поможешь? – неуверенно спросил Второй.

– Зачем?

– Обоих, значит, – выдохнул Андрей.

– Да, – коротко бросил я, но конечно, страховал его.

Выстрелы из «выхлопа» удивительно тихие. Два слились в один, и я констатировал два попадания. Тут же до меня донесся веселый выдох.

– Восьмой, лежи чуток, вдруг еще гости придут. – Ответом был щелчок.

Больше на сегодня работы не вышло. Ребята собрали трофеи, и спустя пару часов мы отправились на выход из города. Там, на окраине, в одном из разбитых домов был штаб. Нужно доложить, да и просто на отдых пора. Не то чтобы мы всю пададь вычистили, просто на сегодня хватит. Темнеет рано, видно плохо. Да и холодно уже, и в туалет хочется. Хотя последнее и так понятно. Такими малыми зачистками мы и занимаемся. Подчиняемся лично Ставке и присоединяемся к какой-либо части тогда, когда нас «выбьют» у начальства. Как какая-нибудь резервная часть СВК.

Скоро Новый год. Вот уже и декабрь 1943-го на дворе. Фронтовые будни тянулись медленно. Иногда мы сутками сидели на месте, не вылезая даже на тренировки. Иногда пропадали по двое, а то и трое суток в «поле». Через неделю после взятия и зачистки Белостока, части 3-й армии генерала Горбатова подошли к Варшаве. С севера над городом нависал Первый Белорусский, с юга и юго-востока Третий. Город будет окружен, части Третьего Белорусского фронта останутся для штурма города, а Первый двинет дальше. Это я так, в штабе случайно подслушал. Когда нас домой хотели отозвать, но Черняховский просил у Ставки оставить нас для Варшавы. Предвидя трудности по типу белостокских, командующий хотел оставить у себя в резерве мою группу, для контрснайперской борьбы. Разумно предположив, что в простом поле нам делать нечего. Так-то прав, там, где танки и артиллерия, мы как-то не вписываемся. Хотя неделю назад немчура четыре «ишака» замаскировала на одном хуторе. Артиллерией там все перемешивать не стали, хотя хотели, вот мы и пригодились. Но это так, редкий случай, как в Сталинграде на танки нас не бросают. Вот в городе – да. Швали здесь за годы войны

накопилось, только успевай вывозить. Да и я хотел поглядеть за Иваном Даниловичем, больно уж хочется, чтобы в этот раз он до победы дожил. Заслужил он это. А по танкам все же постреляли. Это я парням предложил попроказничать. А что нам сделают с семисот метров, если про нас даже не знают. С ВСК шлепнул механика-водителя через смотровую щель первым выстрелом, правда, танк в это время стоял. Он выстрелил, но еще не двинулся, а потом и совсем там остался.

Танки размесили все, ужас. Не пройти, не проехать. Немчура раздолбала такой красивый город «под орех». По окраинам еще ничего, а вот центра нет вообще. Так и вспоминается Сталинград. Так же было хреново. Мясорубка в Варшаве длится несколько дней. К сожалению, не с немцами. Фашистов-то тут хватает, да вот все больше местных. Шляхтичи оборзели. Чего им не живется спокойно? Вон с нами пришли части Польской армии, что была сформирована у нас в СССР. Нормальные ребята, воюют, как положено, но всякая шваль, что окопалась тут, вылезла после ухода фрицев и давай гадить. Постоянные подрывы, охота на солдат и офицеров. Короче, сорок первый год наоборот. Нет, ну ладно бы мы захватили их страну, я бы понял, но ведь всем же ясно, мы здесь «проездом». Ведь им же помогаем. Черт, в голове не укладывается. Вчера ребятишек наших порезали, связистов. Парнишки только-только на службу призвались. По восемнадцать лет мальчишкам, а их как свиной ножами изрезали. Мои нагладелись, больше в плен их брать не будут.

– Девятый, – прошипела рация.

– В канале, – так же прошипел в ответ я.

– В костеле забаррикадировалась группа повстанцев, они подорвали нашу колонну с топливом на севере. Отступая, укрылись внутри здания. Там есть прихожане, двигайте туда.

– Понял, выступаем.

Это, конечно, не совсем по профилю, но уже бывали случаи. Ладно, посмотрим, что можно сделать. На штурм костела нас никто не пошлет, а вот уменьшить поголовье противника и лишить командования – это мы можем.

После тяжелых городских боев в центре Варшавы были просто руины. Города не было. Кругом торчали остатки стен когда-то жилых и красивых домиков. А сейчас на высоту трех, а местами и пяти метров возвышались груды битого кирпича, досок и прочего хлама. Костел стоял в центре и возвышался этакой статуей посреди развалин. Крыша у него отсутствовала, на месте окон, когда-то с красивыми цветными стеклами, зияли огромные дыры. Странно, как он вообще устоял, вокруг него ни одного дома, даже стены целой не найдешь. По грудам этого мусора мы и подбирались к костелу.

– Сань, давайте осмотритесь. Андрей, найди нам место, Дед, найди щель и укройся, все поняли задачи?

– Так точно. – Парни прыснули в стороны серыми мышками.

Рация Деда у нас работала как ретранслятор для наших малых устройств. Обычно мы прячем Ивана куда-нибудь, так чтобы рация работала в безопасности. На рации Дед просто умница, связь есть всегда.

Сквозь дыры в стенах на месте окон я пытался разглядеть то, что происходит внутри здания.

– Серег, видишь чего?

– Немного, народу внутри мало. Один вооруженный стоит рядом с ксёндзом.

– Девятый, этот местный священник с ними заодно. Он их куда-то прячет. Слышал, как особисты говорили.

– Четвертый, у тебя как? – вызвал я Зимины.

– Армейцы подошли. Попросят помочь, сколько сможем, пойдут на захват.

– Попридержи их. Сейчас отработаем тех, что видно, а там пусть с дымом входят. – Экие армейские ребята резвые. Совсем страх потеряли, на штурм они пошли. Спецназ ГРУ, мля.

– Ждут. Мне тут их лейтеха напел, что это те самые уроды, что связистов резали, – зло бросил Саня.

Вот значит как, вот где встретились. Ну, сейчас посмотрим. Сегодня я был с тихой винтовкой, вот повертятся, пока догадаются, кто их убивает.

Пыхх. Через секунду снова: Пыхх.

– Это Девятый, минус два.

– Здесь Второй, минус один. Девятый, священник схватил винтовку.

Пыхх.

– Сам виноват. – То, что он ксендз, не означает, что у него иммунитет от пули. Мне вообще как-то ровно, кто они. Взялся за ствол, получай. – Четвертый, сколько их было, армейцы видели?

– Восемь, говорят, – ответил Саня.

– Ну, теперь четверо, поясов шахида здесь нет, так что пусть ломаются, только аккуратно. Вообще, Четвертый, крикните им, чтобы выходили. Сдаётся мне, что я их старшего хлопнул. Может, выйдут?

– Девятый, Второй, наблюдайте. – Через пару минут вызвал Саня: – Вроде выйти хотят.

И тут я увидел картину из своего времени как на ладони. Вот дурачье, ну куда вы под снайперов лезете? Из боковой дверцы костела выходили люди. Вышло около десятка, а за их спинами, прячась и прикрываясь пленными, шли гордые пшеки. Представьте себе картину: преступник, прикрываясь пленным, пытается выйти из здания. Представили? И правда, чего сложного, в любом боевике моего времени такого хватало, но тут... На что рассчитывали придурки, пытаясь укрываться и держать на мушке пленного, имея в руках винтовку. Ага, чуть не в двух метрах позади идет и всерьез думает, что его не видно. Не знаю, вероятно, это не лечится.

– Девятый, ребята не могут работать, гражданских много, – Зимин не паникует, но нервишки шалят. Забыл, какие у нас в Ленинграде тренировки бывали.

– Второй, готов? – я спокойно навел прицел на первую пару уродов и выбрал первую цель.

– Всегда, – коротко бросил Андрюха.

– Твои замыкающие, работаем. – Я выбрал свободный ход спускового крючка. С разницей в секунду мы с Митрохиным выстрелили. Пришлось делать четыре выстрела. Одним цепляешь первого, он падает, затем второго – тоже начинает крутиться на земле. Еще двумя вколачиваешь их в землю. Перевожу взгляд на шедших последними. О, Второй тоже сработал на загляденье.

– Девятый, все чисто. Армейцы в шоке, пошли на зачистку здания, искренне благодарят. – Это Саня, он там с армейскими контактировал.

– Ну и хорошо. Давайте ближе к дому, поздно уже.

Да, сколько жизней сохраняют такие группы, как моя? Странно такое слышать? А вот ребятам, что штурмуют здания и укрепрайоны, ни фига не смешно. Сколько бы их ложилось просто так в землю? При поддержке снайперов всегда чувствуешь себя спокойнее.

Вечером была баня. Отлично попарились, «перемыли» косточки тупоголовым пшекам, которым все неймётся. Похвалил Митрохина за работу и раньше всех пошел спать. Хорошо за границей, тут не в Сталинграде и его развалинах. Домов целых хоть и немного, но на окраине мы нашли, а это вам не в землянке спать.

Проснулся я как-то нервно, спустя секунду понял, почему. Вокруг было тихо, но что-то настораживало. Встав и воткнув ноги в сапоги, я медленно пошел к выходу из комнаты. Пистолет лежал в руке, он почти всегда там, и это не паранойя – война. Кольт приятно оття-

гивал руку и внушал уверенность. Постояв под дверью и ничего не услышав, я было развернулся, но тут за дверью скрипнул камешек. Ой, блин, давно я так не прыгал. Грохнувшись на пол, я смотрел в открывшийся дверной проем. Из него появились два ствола и перечеркнули пространство прихожей очередями.

«ППШ», – машинально отметил я про себя. Подняв руку, ждал вошедших. Только бы парни не выскочили сзади. Нападающие ломанулись вперед и тут же рухнули. Две двойки в упор из сорок пятого это аргумент.

– Серег, это ты? – сзади раздался голос Зимина.

– Заберитесь назад, к окнам не подходить, – пролаял я и сам убрался в ближайший проем. Поглядывая из-за косяка, я услышал легкий хлопок.

– На пол, – заорал я и сам ломанулся за стену. По полу в коридоре покатились тушка гранаты, ни с чем не спутаешь. Грохнуло так, что в ушах появилась вата, а перед глазами звезды.

– Твою мать, – приложил я руки к голове. Не успев протереть глаза от пыли, я получил удар в голову прикладом. Хорошо, что пытаюсь прийти в себя после взрыва гранаты, я тряс головой. Противника я не заметил, но удар пришелся вскользь. По виску как ножом прошли, падая на пол, выронил пистолет. Сквозь боль все-таки успел сообразить откатиться. Драться не пришлось, из комнаты парней простучал ППС, и мой противник упал рядом со мной. Осмотревшись и никого больше не увидев, подобрал кольт.

– Ваню, ты как всегда вовремя. – Выручил меня, как и прежде, грузин.

– Командир, что это было? – удивленно спросил друг.

– Это пшечки, похоже, «обкурились», надо вылезать, вдруг кого захватили. – Тотчас показались и все остальные ребята, вооруженные до зубов. В подъезде послышались выстрелы.

Да, повстанцы устроили налет на расположение штаба 128-го полка, в котором мы временно квартировали. Просто баня у них хорошая была, а мы уже по ней соскучились. Пшечки захватили штаб, убили радиста и адъютанта командира полка. Самого подполковника Харина взяли и хотели уйти, но потрянув командира, узнали, что именно у него в полку квартируют снайперы. Это мы потом узнаем. Вот эти горе-войки и встали в позу. Наплевав на подполковника, бросились к нам. Сколько их было, неизвестно, положили у квартиры мы троих.

– Серег, как выходить будем, ведь они наверняка на улице подходы держат? – это Зимин.

– Сань, ну не могут же они быть настолько тупыми, чтобы ждать, когда подкрепления к нам придут? – Если честно, мне тоже не хотелось выходить. – Дед, ты уже с связался с кем-нибудь?

– Да, тут же рядом, в соседнем квартале комендантские стоят, сейчас будут.

– Ну, вот и ответ. Посидим, нам незазорно, – я потрогал голову.

– Командир, можно я гранату за дверь кину, а то как-то беспокойно. – Ваню в последнее время так и рвется в бой. Ожил после лагеря.

– Возьми да кинь, – громко сказал я, подходя к распахнутой двери. В этот момент все и случилось. Кто-то из пшечков, видимо, был потрусливее и не полез со всеми к нам в квартиру. Зато когда мы захотели выйти на площадку, он ожил.

– Суки москальские, выходите, или я убью вашего командира. – Я встал. Зимин вопросительно посмотрел на меня.

– Эй, воин? На что ты рассчитываешь, ведь все равно не уйдешь.

– Зато вас с собой заберу, выходите. – Я плюнул и, шагнув за дверь, остановился.

В углу на площадке, оперевшись спиной в дверь другой квартиры и укрываясь Хариним, стоял какой-то тощий ублюдок в кепке.

– Товарищ майор, назад, у него граната без чеки, – закричал Харин. Он-то прекрасно знал, кто из нас старше, хоть и был подполковником.

Я выходил с пистолетом в руке и не отпустил его и сейчас.

– Заткнись, курва, – поляк ударил правой рукой с зажатой в ней гранатой по макушке Харина, тот застонал. – Пусть все выходят. Что прячетесь, как крысы, страшно?

– И не говори, а тебе? – ответил я вопросом.

– Мне уже все равно, – гаркнул повстанец.

– Ну, как знаешь, – я чуть шевельнул рукой, и кольт сказал свое громкое слово. У поляка во лбу появилась большая дыра. Подполковник поступил так, что я позже не раз вспоминал его поступок. Падая на пол, поляк разжал пальцы, хлопнул запал, и граната полетела ему под ноги. Харин мгновенно, откуда такая скорость, развернулся и, схватив пшека, который еще не успел упасть, бросил того сверху на гранату, а сам лег сверху. Грохнуло приглушенно. Кучу из двух тел слегка подбросило. Пару осколков вжикнуло по лестничной клетке, но и только. Рванув вперед, я подхватил Харина за руку и попытался перевернуть. Ребята тоже выскочили и уже помогали.

– Ну, полковник, ты и выдал! – охренев от увиденного, сказал я. Слышал я про всякие случаи. Как на гранату люди ложились, пытаюсь других сберець, и от себя пинали, пытаюсь спастись. Но вот такое, да еще своими глазами увидеть, могёт подполковник.

– Так я этого ждал. Думал, мало ли чего, гранату он уронит, что буду делать. Он же ее уж минут двадцать таскал, рука-то, наверное, затекла. Вот и получилось так.

– Здорово у тебя получилось, а то бы обоим хана. Я когда стрелял, даже ведь и не подумал об этом. – Реально не подумал, дурень. Граната грохнула всего в двух метрах от меня, сто процентов – хана.

– Да ладно, как отчитываться будем? Они мне весь штаб ухайдокали, – подпол держал голову обеими руками и смотрел на меня.

– Пиши, как было, от тебя все равно ничего не зависело. Кто в охране стоял – им влетит. Как это они так прохлопали такой отряд повстанцев?

– Да я сам охренел, когда они к нам ввалились. Думал, что это их армейцы, ну, те, что с нами вместе воюют.

– Вот и повоевали. Ты сам-то как? – я подал руку Харину.

– Да ничего, только в башке звенит. Хорошо, что «яйцо» немецкое было, без рубашки. Была бы «эфка», всем бы досталось.

– Точно. А я ведь и не видел вообще, что это было. Вас кто-нибудь видел, когда сюда тебя перли?

– Хрен их знает. Писать не буду, скажут, что видели, тогда отвечу.

– Ну и правильно.

Вообще, конечно, дело мутное. Бойцам, что обеспечивали охрану территории, я не позавидую. Ну и мы тоже хороши. Расслабились, даже часового не выставили. А ведь мы не в тылу. Здесь сплошная вражеская территория, хоть и занятая нашими войсками. Этим лживым улыбкам местных гражданских я не верю. Зная, как они к нам позже будут относиться, хочется стрелять во всех. Без преувеличения. Хотя, конечно, я не прав, люди, нормальные люди, есть везде. Но вот что-то здесь все больше таких, что днем тебе улыбается, а ночью за винтовку берется.

– Девятый, как обстановка? – заговорила рация голосом командующего фронтом. Черняховский был озабочен тем, что творится вокруг. У наших «больших вояк» перед Новым годом сходка в одной небольшой деревеньке под Варшавой, а разведка принесла хреновые новости. Где-то в нашем районе собрана многочисленная группа вражеских солдат. Все вперемешку, и поляки и фрицы. И по данным разведки, вся эта шушера лазает рядом. Черняховский озабочен не просто так. Тут собрались командующие двух фронтов, не считая командующих армиями и прочих. Сидят, после таких разведданных, и не высовываются. Из Кремля кашлянули, заста-

вив нас поработать. Вот мы и охотимся. Пару часов назад Костя Иванов заметил движение всего в паре километров от деревни, лежим, считаем врагов. Пока видел только пятерых, это явно не все. Разведчики докладывали о гораздо большем количестве.

– Пяток мышек, первый. Но у кошки хвост трубой. – Поймут, наверное, что мы в поиске.

– Ясно, перспектива есть? – Да, нервничают люди. Иван Данилович редко злится, но тут его проняло. Людям надо к войскам ехать, а никак.

– Работаем. Мышеловки готовы? – это я про минометы. Не из винтовок же нам их по полям гонять, хрен их знает, сколько их тут.

– Ждут сыр. – Да, вот я коды выдумал. А все от того, что надоело запоминать ту хрень, что в штабах пишут. Такую иной раз чушь придумают, что при передаче переспрашивают, потому как сами не понимают. Вот и поломают головы над моими придумками.

– Четверочка, как у тебя? – Связь внутри группы просто чудо.

– Прибавилось, плюс одиннадцать. Повторяю, плюс одиннадцать. – Вот это хрень. Сколько же их там?

– Будьте готовы хвосты собирать, – когда накроют минами, наша задача добить выживших. Нельзя дать уйти даже одному.

– Первый, кладовка закрыта? – меня интересовало, оцепили ли район.

– Пятнадцать минут назад, – голос не командующего, наверное, радиста посадили. И то верно, пусть Черняховский своим делом занимается.

– Девятый? – последовал новый вызов.

– В канале, – коротко бросил я.

– Это седьмой, у меня пятнадцать жирных крыс пришло в гости к мышам.

О, а вот это уже интересно. Серега сидит километром правее, а Ваню левее. Я с Митрохиным по центру. До цели наблюдения около восьми сотен метров, может чуток больше. Должны еще разведчики доложить, они спрятались впереди, где-то недалеко от того оврага, в котором собираются враги.

– Всем котам – внимание! Седьмой, на тебя отходить будут. Жди.

– Ясно.

А дальше закрутилось. Самовары в сто двадцать миллиметров жажнули пристрелочным, внесли поправку, и началось. После пристрелки поляки начали суетиться, но ни хрена не успели свалить. Я убрал троих, просто магазин в «винчестере» на три патрона. На Ваню вышло всего четверо, он их с удовольствием встретил из нового ПК. Ага, пару месяцев как в войска поступает. Почти неотличимым оказался от того, что был в моем времени. Хорошая косилка получилась. А уж Ваню как рад. Поработали славно. Когда вернулись разведчики и принесли хабар, что собрали с убитых, все тихонько охренели. Командовал этим сбродом штурмбанфюрер СС. Немцы все при регалиях и ни фиги не рядовые. В общем, нам засчитали отлично проведенную операцию. Черняховский лично пожал каждому руку и спросил, обращаясь ко мне:

– Ну, что, майор, куда вы теперь? – А нам и правда, приказ на переезд к Горбатову.

– Да недалече будем. У соседа.

– Дальше пойдете, к Берлину?

– Ну, до Берлина еще далеко. Тут работать будем. Вроде как наши что-то нашли, потерю какую-то.

А потеря была вовсе даже и не потеря, а самая банальная кража. Немчура нахапала в свое время всего, что только смогла в нашей стране за время оккупации. И я «вдруг» вспомнил про Янтарную комнату. Да, да, ту самую, что так и не смогли найти в моем времени. А тут пришли сведения о том, что огромный состав под полсотни вагонов прошел на Бреслау с севера. Наверняка то, что нам нужно. А может, еще и золотишка для страны хапнем. Я, конечно, сообщал о пропаже еще в сорок первом на допросах, но тут напомнил Петровичу, что комнатка, воз-

можно, там, где этот поезд. Тут начальство сразу как-то быстро засуетилось и давай сочинять акцию по возврату ценностей. Не хрен пшекам дарить. Мы им и так Польшу восстанавливать будем, так еще и нашу историю подарить? Вот уж дудки.

В этом лесу было страшно. Нет, не так – СТРАШНО. Вроде нет тут зверей каких-то особенно голодных и зубастых, нет и большого количества вражеских войск. Но и леса – нет. Эти парки даже рощами по нашим понятиям не назвать. Небольшой, с вырубленным под ноль подлеском, ну что это за лес. Недоразумение. Как оставаться незамеченными в таких лесах? Да, а я ведь пытался сначала выкрутиться, при чем тут мы – снайперы и поиск золота? Начальству виднее:

– А кто еще кроме тебя сможет все проверить? – Истомин был спокоен, знает, зараза, что отказаться не смогу, но орать мне не мешает.

– Петрович, ну вроде бы уже в прошлом году все вопросы решили. Группа не будет заниматься задачами, которые не в ее компетенции.

И тут меня Петрович добил:

– Есть предположение, только предположение, – повторил он, когда я открыл уже рот, чтобы возмутиться, – что там будет кто-то из верхушки. Вспомни про золото партии, что ты рассказывал.

– Что, думаете, Борман туда припрется?

– А ты можешь гарантировать, что такого не случится? – вопросом ответил Истомин.

– Нет, конечно, да только хрен ли ему там делать? – не унимался я. Ну, правда, чего он там забыл?

– Ладно. Источник не надежен, поэтому и говорю – предположение! Немцы ждут на объекте приезд Розенберга, а с ним возможно и Мартина Бормана. Решили подарок фюреру на Новый год сделать.

– Ага, ну так бы и сказали. – Значит, все-таки кого-то нашли.

Действительно, из дальнейшей беседы выходило, что источником был какой-то пшек, что убежал от фрицев, но к своим хозяевам наглам не добрался. Наши взяли. Тряхнули чуток, тот быстренько понял, что на свободе ему не бывать, ну и решил попробовать ее купить. Да только с СССР торговаться в таких делах – пустая трата времени. Его «пробили», кадр он оказался неслабый, но вот в сведения о появлении Бормана в Бреслау как-то не верилось. Но руководство решило перебдеть и послать нас на всякий случай. Я уже говорил, что с недавних пор считался мастером одного выстрела, и если случай представится, я им воспользуюсь. А то «опять» исчезнет Мартин, и добро спрячут так, что сто лет по крупичам собирать будут, причем не мы.

А поезд был и правда жирный. Мы расположились в двух километрах от небольшого ущелья между двух холмов. Вот оказывается, как фрицы награбленное хоронили. Помню в свое время, какие-то два пшека якобы нашли поезд под землей. Многие тогда интересовались, как туда его запихнули. Оказалось все гораздо проще, чем выглядело через семьдесят лет. От основной железной дороги, проходящей в паре километров от этих холмов, отвели ветку путей напрямик в ущелье. Когда поезд оказался точно между холмов, пути разобрали, как будто их и не было. А над поездом стали варить железный каркас и заливать бетон. Ну а дальше наверняка просто замаскируют конструкцию, засыплют землей да навтыкают деревьев. Глубина ущелья просто изменится на шесть-восемь метров, в пропорции с холмами просто фигня. Обнаружить схрон позже – задача с тучей неизвестных.

А шишки из Берлина тут есть. Поэтому и подобрались мы так близко. Видели уже две делегации на таких «членовозах», бериевский «Паккард» и рядом не стоял. Вот и жду. Шуст-

рики мои внизу шарятся, я с Митрохиным тут «загораю». Фото Бормана у всех в голове, если появится, будем валить. Место я себе высмотрел на одном холме, чуть ниже, чем то, где сейчас лежу, но расстояние ближе. Работать изначально решил «винчестером», но все-таки придется расчехлять ВСК. Ближе полутора километров не подобраться. Сплошняком эсэсманы стоят, причем какие-то странные. Такое впечатление, что на наркоте. Ребята наблюдали одних и тех же на постах в течение суток. Вообще не меняются, хотя их тут, наверное, полк. Куча зениток, «ишаки», танки недалеко. Простых минометов вообще наткано, как кустов. Короче, сложно будет. Радует одно, отход будет не долгим. В десяти километрах отсюда есть озеро. На нем уже укрыты два гидросамолета, и они ждут только сигнала. Вытащить их на воду и приготовить к взлету десятков минут. Операцию готовили тщательно, на озере поработали спецы, и теперь нам не придется, как в Штатах пехом ползти сотни километров. Блин, я винтовок набрал на все случаи жизни, еле допер. Хорошо, что ВСК полностью разбирается, только прицел закреплен жестко, кофр с «тяжелой» винтовкой на плече. «Винчестер» как биатлонка за спиной. Костя Иванов тащит разобранный «выхлоп», а вдруг понадобится – а у меня есть!

Кстати, ВСК тоже переделали. Для пехоты так и шли стандартные модернизированные ПТРС, а для снайперов сделали новые «весла», для вот таких, запредельных дистанций. Калибр уменьшили до 12,7 мм, как у «выхлопа», изменили характеристики патрона, чтобы он больше соответствовал нашим требованиям. Ведь нам не каждый патрон идет, для снайперских винтовок свой цех по производству и стволов и патронов. И своя же комиссия по приемке. Пробивная сила почти не пострадала, нам по танкам не стрелять из них, как мы это делали в Сталинграде. А баллистика пули 12,7 вполне позволила стрелять на полтора километра. Теперь снова в оптике затык, да и просто в подготовке стрелков на такую дистанцию. Их просто не было. А винтовка – хороша. Ради интереса в поле, нашли самое ровное без холмов под Ленинградом, на два двести стрелял, отклонение по горизонту метра четыре – холодным выстрелом. С пятого попал в мишень. Расстояние, кстати, вполне рабочее, но все зависит от местности. Если искривления «пейзажа» есть, то ничего не получится. Ведь это только говорить легко – два километра. В оптике, самом сильном моем двенадцатикратном «Юнертл», я почти ни хрена не вижу. Ловил мишень по несколько минут, а уж о стрельбе сразу после маршброска и говорить нечего.

Долгое ожидание угнетающе действует даже на меня. Лежим тут как два бревна, да где-то рядом еще несколько таких же ползает. А внизу у врага чуть ли не праздник. Местный главный эсэсман ходит гоголем, солдафоны перед ним только навтыжку ходят. Вот сука, готовится Бормана в задний карман чмокнуть. Пальцы на бинокле уже коченеть начинают, надо бы размяться, так нельзя, вдруг чего-то не доглядишь – как два пальца... Ну, в общем, вы поняли. Снежок тихонько спускается, редкий-редкий, но за час как начал падать, ствол винтовки укрыл так, что почти не видно.

Через два часа я выслушал доклад от Зимина и задумался. Этого партийного главнюка Бормана охраняет чуть не батальон личной охраны. О том, что сегодня прибыла очень серьезная фигура, говорило наличие в небе самолетов. Черт, а мы думали, авиации у фрицев почти не осталось, они теперь все на территории Германии пасутся, к нам летают очень и очень редко. Самолетов стало мало, гробить их просто так Гитлер не дает. У нас теперь гораздо более выгодное положение с авиацией. Нет, бомбежка вражеских позиций или прикрытие во время наступлений дело все еще тяжелое, тут немчура почти не проигрывает. Но вот к нам они летать почти перестали. То-то же я удивился, когда увидел их над Польшей. Но, надеюсь, постоянно в воздухе они висеть не смогут, это ведь не на земле в карауле стоять. Да уйдем, думаю. Расстояние вполне позволяет.

На холмы быстро не взобраться. А у нас отход наоборот вниз по склону к озеру. Вокруг у немцев тоже не выйдет, далеко, короче, вполне реальная задача. Главное, чтобы самолетов не было.

– Видишь его? – прошептал рядом Митрохин.

– Да, – коротко бросил я. Инспекция появилась как-то неожиданно. Парни мои внизу, связи здесь с ними нет, передатчики мы тут не включаем. Прямо со своей позиции вижу аж два пеленгатора. Цель я видел, вполне даже прилично так.

– Почему парни не идут? – Митрохин нервничает.

– Придут, должны успеть.

Пять минут наблюдаем за делегацией из партийной верхушки Германии. Стоят себе, доклады принимают. Была бы возможность подойти ближе, я бы их всех на ноль помножил. А так все-таки очень далеко. Да и приказ однозначный – Борман и точка.

– Я готов, осмотрись вокруг, может, ребята уже на подходе, – я шепнул Митрохину. Черт, если сейчас не сработают, хрен их знает, приедут ли еще. Но парни мне дороже. Если они будут внизу в момент выстрела, уйти точно не смогут. Рядом послышался шорох.

– Командир, ползут. Минут десять и будут здесь.

– Нет у нас десяти, я работаю. – Вот, сам себе противоречу. Но в душе надеюсь, что все-таки дойдут.

Помня по стрельбищу картинку в прицеле на дистанции в полтора километра, понимаю, что здесь дальше. Метров на двести, а это уже близко к пределу моих возможностей стрельбы «холодным стволом». Ну очень далеко. Прицел хоть и хороший, но винтовку надо держать очень четко. Хорошо не стал возлагать надежды на сошки, хреновые они, если честно, вот и припер с собой мешок с песком. Пять килограммов примерно, можно бы чуток побольше, но и так тяжелым показался, пока ползли сюда, но обратно не потащу. Мне и винтовку-то разрешили утопить прямо в том озере, откуда улетать будем.

Прицел на расстоянии восьми сантиметров от глаза, фиксирую цель. Тело как продолжение винтовки замерло в удобной и устойчивой позе. Периферийным зрением отмечаю, что все три маленькие тряпочки, повешенные ребятами, висят не двигаясь. Боялся сначала из-за маяков, а потом решил, что заметить их все разом вряд ли кто сможет, на большом расстоянии друг от друга висят. Вечер уже, да за счет холма мы полностью укрыты от ветра. Днем был небольшой, стелящийся по холму сверху вниз, а сейчас полный штиль. Для такой тяжелой пули, как у ВСК, ветер начинает мешать только при скорости выше 4 м/с. На полигоне, при тренировках, я почти всегда укладывал девять из десяти в ростовую мишень на 1500 метров. Восемь так и вообще без проблем. Здесь же второй выстрел можно будет сделать, только если Митрохин точно отметит место попадания пули от первого выстрела. Так как пуля на такой дистанции летит долго, две секунды точно, нужно успеть сделать поправку. Если все же придется, но я рассчитываю на один выстрел. Да, сложно, но – надо.

Получилось. Как и все в последнее время, у меня получился просто прекрасный выстрел. Митрохин отметил попадание на уровне левого нагрудного кармана. На несколько сантиметров ниже ключицы. Верняк. Подранка быть просто не может. Винтовку разбирал – казалось, пару секунд. На деле же, вставать было нельзя, видимость для немцев здесь отличная. И так стрельба внизу идет, как будто на поле боя. Фрицы долбят из всего, что стреляет. Парни успели доползти до нас, пока я разбирал ВСК.

– Серег, я даже не спрашиваю о результате, выходим прямо сейчас? – первым делом поинтересовался Зимин.

– Да уже ползем. Нам метров триста на пузе, там перевалимся за гребень и ходу. С той стороны мы постов не видели, у тебя Костя там?

– Ага, если бы суета и там поднялась, уже бы приполз. Времени прошло достаточно.
– Ну, так давайте штаны протирать, валим отсюда, ребята, вы мне живыми нужны, – закончил я разговор и устремился догонять ползшего первым Ваню.

Костя ждал нас в небольшой ложбинке на склоне холма. Когда мы прибежали, он приподнялся и активно замахал рукой.

«Что за хрень? Увидел кого-то, что ли?»

– Ты чего машешь, как припадочный? – задал я первый вопрос Иванову.

– А вы хрен ли как на параде? Там внизу, с километр на север – отделение эсэсовцев. – Я даже икнул.

– Идут или...

– Откуда вылезли, даже не знаю. Вот так, как черти из табакерки выскочили. Выше не пошли, но нашу тропу оседлали.

– Ну, так немудрено, она просто самая удобная. Мы же сами ее почему выбрали? – Тропку мы наметили именно потому, что на ней были следы. Заметённые снегом, вчерашние, но видимые хорошо. Мне не хотелось топтать новую дорогу, на склоне это будет заметно издалека.

– Так как пойдем? – Зимин поинтересовался.

– Да пройти-то тут не проблема, а вот то, что эти ушлые фрицы куда-то могут залезть и так же неожиданно вылезти...

– Может, вальнуть их всех по-быстрому, да и всех делов? – Митрохин еще не совсем «вкурил» смысл нашей работы.

– Серег, Ваню с гребня бежит, – Дед проклюнулся. Он назад наблюдает. Ваню оставался на гребне и следил.

– «Клади» его. А то эти ухарцы срисуют.

Дед сделал знак рукой Ваню упасть и ползти.

– Чего там? – коротко бросил я грузину, когда он добрался до нас.

– До взвода. Идут шустро, но там растяжки на пути и мины. Минут двадцать точно есть. Видимо, где-то рядом в секрете были, раз немчура артиллерией весь склон не перемешала.

– Если этих, что впереди, работать, то только тихо. Иначе еще снизу набегут. Нам нужно только дойти до места, где эти гребаные эсэсманы сидят, дальше свернем влево и уйдем. Там роща начинается. Митрохин!

– Да, командир, – откликнулся Андрюха.

– Готовь тихую, Костя, разложи мою, надо торопиться.

Через четыре минуты мы с Митрохиным подобрались на дистанцию в четыре сотни метров. Ближе уже нереально. Склон дальше как стол будет. А нам надо этих убрать, да еще до рощи добежать, пока на гребень не выползут те, что поднимаются с той стороны.

– Готов? – я уже глядел в прицел.

– Готов, – шепнул Андрюха.

Лежал я справа от напарника, значит, так и стреляем. Он слева начинает, я справа, на середине встретимся.

– Работаем, – шепнул я и нажал спуск. Фрицы, видимо, сидели в охранении, а не по нашу душу пришли. То, что Костя их ранее не видел, ему в минус. У немчуры там шинели лежали, они просто укрылись в ложбинке. Там как раз была какая-то яма, за ними гладь. Когда Костя убирал последнего, центрального в фуражке, я отметил про себя: «Секунд восемь, максимум десять, и у нас отделение “холодных” фрицев образовалось. Никто даже оружие не поднял, не то чтобы заметить, откуда их убивают. Вот она, работа снайперов, один выстрел – один труп». Дорога свободна, поднимаю руку. Через минуту парни уже у меня, Ваню чуть позади, ему метров триста еще бежать, он так и оставался наблюдателем на гребне.

– Серега, до рощи не успеем. Погонщики совсем рядом, – прохрипел своим басом Вано, догнавший и поравнявшийся с нами.

– Бежим, бежим, – выдохнул я и прибавил скорости. Под уклон бежать чуть легче, зато остановиться будет труднее, но думаю, деревья помогут.

Когда раздался первый выстрел, я не понял, но вроде уже все были на краю рощи. Как подкошенные парни начали залегать.

– Не валяемся, тут и достанут. Бегом, мы уже за деревьями, – рявкнул я, прекрасно понимая, что если ляжем – конец. Блужданий по этой роще не было, подлесок очень редкий, бежать легко. Правда, и видно нас наверняка хорошо. Лесок обследовали заранее, путь отхода известен был всем, на случай отступления врозь. Попытался оглядеться и сразу наткнулся на деревце, хорошо тонкое, просто наклонил его своим телом и побежал дальше. Ветки хлещут по лицу, ищу взглядом парней. Вижу краем глаза, но не всех. Прикрытие оставлять я запретил, уходить будем все, на хрен весь героизм, мы теперь жить хотим. Войне скоро конец, хочется дожить.

– Где мы, Серега? – прошипел кто-то из парней.

– Смотреть надо, так не пойму, я ведь не местный ни разу, – спокойно ответил я. Как всегда, не может все идти по плану. Как иду на задание, спланированное кем-то другим, так всегда – жопа. Привык к импровизации и нашему «авось».

До озера и самолетов мы добрались, вот только хорошо, что не успели на них сесть. В небе появилась четверка «мессеров» и раздолбала в хлам наши летающие лодки. Хоть те и были хорошо замаскированы, не помогло. Зимин перед заброской интересовался запасным вариантом отхода, благодаря ему у нас есть карта. Так же благодаря Сане мы хоть немного знаем обстановку, кто, где и чем занят. В смысле, где стоят наики и в каком составе.

Уходили по лесу мы не долго. Я уже говорил, что здесь не леса, а так – парки. Добрались до какого-то небольшого поселка, человек на восемьсот жителей, и попытались «потеряться». Самое удивительное – вышло. Все вместе не ховались, залегли кто где смог. Я вот отлеживался под каким-то кустом. В прямом смысле – под кустом. Просто чуть ковырнули его штыком и выдрали, я залег, свернувшись, а парни меня присыпали, а сверху водрузили тот же куст. Ну чисто могила. Собак не боялись, у нас еще год назад умники такую смесь изготовили, собачки просто отдыхают. Табак или перец давно пройденный этап. Собаки начинают чихать, и кино-логам все ясно – надо искать где-то рядом. Это когда по лесу идешь и отрываешься, работает, а вот когда надо залечь, только вред. Тут даже не знаю, из чего эта хрень, но напоминает по запаху мочу. Меня откопали по ощущениям часов через пять. Затею так, что разогнуться не мог. Лежать в позе эмбриона зимой под землей холодновато, знаете ли. Но ничего, сначала меня разогнули, влили спирту – ага, опять вспоминал Петровича, затем отвели к сараю, что стоял неподалеку.

– Саня, давай с Митрохиным на вылазку. Дед, рацию не вздумай включать, – командовал я.

– Есть, – тихо ответили мне ребята.

– Костя, на тебе сам поселок, осмотришь тихонько, Вано со мной. – Нет, я не из-за безопасности собственной тушки оставил грузина при себе. Вано уж больно габаритами огромный, да и ходить ночью по вражеским тылам тихо умеет хреновато, прямо скажем. Иванов исчез за воротами сарая, а я обратился к нашему большому пулеметчику:

– Слушай, Вано, сарай этот где стоит, как вы его выбрали?

– Так как всегда, выбирали тот, что подальше от живности стоит, да и не чуешь, что ли, горевший он. Толкни посильнее и развалится.

– Значит, не посещаемый? – посмотрел я на друга.

– Ага, – просто кивнул тот.

– А откуда на хрен здесь столько сена? – прошипел я, уже заметно закипая. Сена и правда было много, и оно было сухое.

– Так натырили из разных, ты уж вообще-то нас за салаг не держи, – обиделся Ваню.

– Извини, дружище, что-то нервы ни к черту. Опять все через одно место пошло.

– Что, с Муратом так же было? – несколько смущаясь, спросил грузин. Я ведь просил парней ранее постараться не вспоминать то дело.

– Там не было вас. Поэтому, быть может, там было еще хуже, – откровенно сказал я и посмотрел в глаза Ваню, тот быстро отвел взгляд, но я на него совсем не злился. Злоба была только к себе лично.

Когда через пару часов вернулись Зимин с Митрохиным, рассказали о происходящем вокруг:

– Серег, сплошного оцепления, конечно, нет, но ищут нас, ищут. Посты это да, на каждой дороге и через каждые два или три километра. В основном мотоцикл и три бойца. Все эсэсманы, ну и фельджандармы попадают.

– Ну, это еще не так плохо, – заметил я.

– Да вот не совсем. Грузовики иногда на окраине леса попадались – пустые, – многозначительно выделил Саня.

– Думаешь, егерей приволокли? – потер скулу я.

– Уверен, так что в леса нам ход заказан.

– Тогда второй вариант.

Второй вариант у нас это всегда работа «под немцев». Вышли из поселка я с Ваню в одну сторону, Зимин с Митрохиным в противоположную. Решили брать мотоциклистов, но уже когда разошлись, мне в голову «опять» идея прилетела. Как всегда опоздав совсем немного. Оставив Ваню в кустах в километре от поселка, сам почти бегом поскакал догонять Зимина. Слава богу, удалось его найти до того, как они байкеров порежут.

– Серег, ты чего? – удивленно смотрел на меня Саня, только что уложивший меня в снег. Я крался рядом и их не заметил – хорошо натаскал.

– Отставить резать патруль, – выдохнул я. От неожиданной встречи с парнями дыхалку сбил немного.

– Что случилось-то? – теперь Митрохин подал голос.

– У нашего командира «опять» идея нарисовалась. – Вот, значит, и парни уже замечают, что я стал немного тупить. Надо исправляться.

– Сань, давай дома пошутим, вместе, а? Где вы грузовик ближайший видели?

– Командир, может, не надо. Этих-то еще когда найдут, а егеря обиженные нам такую гонку устроят, бензина не хватит.

– Отставить панику. Ты егерей вообще видел, сколько их в команде?

– Отделение, кстати, машина у них вон за тем оврагом стоит, прямо у леса, – указал Саня рукой направление. – Метрах в двухстах и патруль первый находится.

– Андрюха, дуй к сараю, всех сюда. Посмотри, что там у Деда с маскхалатом, он его зачем-то снимал.

– Есть, – бодро кивнул Митрохин и уполз.

Хорошо ехать на машине. Мотор завывает на подъемах, но уверенно тянет. Да и дороги здесь не чета нашим в Союзе. Вот гадство, ну почему у нас с дорогами не клеится. Или настолько кормушка хлебная, что хрен кого заставишь работать, а не воровать. В моей жизни, в той прежней, приходилось пару раз бывать в Белоруссии. Только переезжаешь границу – другой мир. Дороги – идеальные. Ну что это такое? Наши все твердят про климат, дескать, он у нас тяжелый, циклы замерзания придумывают. А соседи, белорусы, просто работают. Ведь такой же климат, ну разве что с Мурманском разница есть. Вот и здесь, едешь по обычной

заснеженной грунтовке, но ведь ровно и скорость приличная, километров сорок идем. Пару часов – и мы у своих.

Ехать-то хорошо, но насколько долго удастся – неизвестно. А вообще, слабенькая группка егерей нам попалась. Пацаны, по восемнадцать лет, опыта мало, вот и попались.

Патруль мы вырезали вообще на раз. Мы с Митрохиным их из бесшумок сняли, те даже не дернулись, ВСК мы в озере утопили, так что теперь нам двигать было легче. Считаю больше десяти килограммов, вместе с патронами, выбросили. Только прицел я пожалел и оставил. Зимин, Иванов и я заняли место патруля, дождались выходящих из леса егерей и с двух сторон их всех покروшили. Стрелять, кстати, не боялись, вокруг постоянно где-то кто-то стреляет, так что все прошло просто на ура. Часть трупов в лес оттащили. Забрали у них всю форму, что не совсем изодрана была, оружие и боеприпасы просто в кузов покидали. Кстати, мотоцикл пришелся к месту. Не хотели его брать, но когда уже ехали, нам навстречу попался такой же конвой из мотоцикла и грузовика. Мы у тех никакого интереса не вызвали, нам даже не сигналили. Просто разъехались кое-как на узкой дороге да и почесали дальше. По карте выходило, что где-то километрах в ста, может чуть меньше, части Первого Украинского воюют. В сторону этих войск, как наиболее близко расположенных к нам, мы и двинули. Поселки и деревни пролетали не останавливаясь, лишь в одном, самом первом от места захвата транспорта, нас остановили. Там Зимин показал себя во всей красе. Он у нас в коляске мотоцикла, в погонах лейтенанта СС ехал, ну и вздрючил постового унтера из фельджандармерии. Хотя на дороге те вроде и главнее, но Саня наехал на того, и за счет наглости мы проехали дальше, даже стрелять не пришлось. Саня просто указал жандармам на грузовик и сказал, что сейчас оставит спецов егерей тут, а сам поедет к месту службы, и пусть эти «гаишники» сами расхлебывают. Унтер повелся и даже руку вскинул, я уж думал, что сейчас придется славу Гитлеру орать, но все прошло молча. Я сидел в кабине грузовика и держал наготове пистолет. В кузове, конечно, с пулеметом были Вано и Дед. Ага, Деда мы тоже к пулемету пристроили. Стрелять у нас все давно умеют из всего, не сорок первый, чай, рация пока не нужна, тащить МГ мы Деда тоже не будем заставлять, а вот из машины, если что, поработает. Плотность огня у пулемета всяко выше. Костя был за рулевого в грузовике, а Андрюха Митрохин на мотоцикле. К нам эти ушлепки «гаишники» местные и прикопались-то, наверное, из-за того, что нас мало. Но мы взяли с собой несколько трупов в кузов, на всякий случай, показать, если что, но удалось уехать без осмотра. Просто тогда пойдут другие вопросы: «А почему вы с трупами едете в сторону фронта».

По карте оставалось еще пяток километров, когда впереди упало дерево и раздались выстрелы, я аж зажмурился. Вот только партизан нам тут и не хватало. Почему партизан, а не диверсов или разведки? Так просто все, те бы фугас рванули, давно уже тактика на вооружение принята, а тут – дерево. Блин, я ведь, кстати, и не обратил внимания, что здесь лес у дороги не был вырублен, как в Белоруссии. Видимо, на своей территории жалко рубить.

Митрохин от неожиданности почти в него воткнулся, с грехом пополам затормозив, и рыбкой ушел в сторону обочины. Не залезая на отвал снега, ошетинился в направлении леса, выставив автомат перед собой, но не стрелял. Саня чуть замешкался. Он был явно ранен, но так как все-таки вылез довольно уверенно, я решил, что не очень серьезно. Мы тоже остановились и «рассыпались». Деда Вано засунул под машину, а я, дождавшись тишины, решил просто докричаться до этих долбанных лесных вояк.

– Вот я сейчас кому-то за порчу советского имущества по башке накостыляю, – прокричал я и стал ждать. Пару минут ничего не происходило, пришлось снова открыть рот. – Ну, какого хрена вы дерево уронили, вам оно мешало?

– Вставайте и бросайте оружие, вы окружены! – донеслось на этот раз в ответ.

– Ага, к немцам не выходил, а к тебе пойду? Жди! – сплюнул я.

– Кто такие, вставайте, стрелять не будем, – снова потребовали из леса, но уже не так строго.

– Слышь, кто тут у вас главный, если выстрелит кто, печень вырву собственными руками, – зло крикнул я и, подумав, добавил: – Вы, засранцы, у меня бойца ранили, я с вас за него спрошу! – предупредил я.

– Разберемся, вставайте, – уже спокойно ответил мне тот же голос.

– Ну чего, братва, надо вставать, хрен ли здесь, фрицев будем ждать, что ли? – Лежали мы недалеко друг от друга, поэтому я обращался к своим негромко.

– Командир, сам лежи, я встану, – отозвался Ваню, – меня-то от немца уж, наверное, отличат?

А это правда, Ваню хоть и был в белом маскхалате, но уж его рожу с фашистской точно не спутаешь.

– Давай, так и так вставать придется. Эй, лесные, мы встаем.

Ваню медленно, не выпуская пулемета из рук, поднялся.

– Ну, чего, где вы тут фашиста увидели? – крикнул он.

– Оружие брось, – ответили ему из леса.

– Ага, сейчас! Ты мне его давал? Я его сейчас в тебя брошу. Может, не станешь хрень всякую предлагать, – обозлился Ваню.

– Так, мужики, кончайте базар. Сейчас дождемся, что фрицы приедут, и будем потом всю ночь бегать, – прекратил я разговор. – Кто старший, выходи сюда, опознаемся, и валить надо. Дерево уже некогда убирать, придется нам пехом топтать теперь к своим.

Метрах в десяти качнулись ветки кустов, и показалось что-то бесформенное, да не одно. К нам на дорогу быстро выползли четверо бойцов. Все в «простынях», надетых на ватники, и с немецкими МП-40. Мы тоже поднялись, только Саня просто сел на дороге, прислонившись к коляске мотоцикла.

– Кто старший? – сразу обратился я.

– Ну я, а ты кто? – ответ прозвучал с издевкой.

– Не хами, представься. – Раз уж «старший» из партизан начал на ты, я тоже стал грубить.

– А чего я-то, тебя взяли, это ты тут чуть не «преставился», вот и говори, кто таков, – заржав как конь, нагледел партизан.

– Конечно, на вот посмотри, – сунув руку за пазуху, я сделал вид, что вытаскиваю что-то. «Старший» партизан подался навстречу, а я рванул к нему. Через секунду, повернув грубияна спиной к себе, я прижался к кабине грузовика. В моей руке был огромный М1911, и его ствол был прижат к виску партизана.

– Я же просил, не хами. Фамилия, звание, должность, – отчеканил я. Трое пришедших со «старшим» партизан уже наставили стволы на меня.

– Филипенко, командир партизанского отряда 1518, – промычал пойманный мной партизан.

– Майор Новиков. Спецназ ГРУ. – Да, мы в рейде так и представлялись. Больно долго объяснять, что ты из спецгруппы Ставки. Начинаются вопросы ненужные, а так все просто. – Я понимаю, что по нам не скажешь, что мы свои, но когда грузина увидели, чего хамить-то начал?

– Извините, товарищ майор, виноват, – тихо сказал партизан, но довольно спокойно. Я выпустил его из захвата, но придержал за рукав.

– Вот, смотри, – я быстро задрал маскхалат и выдернул метку, оторвав ее от штанов. Она была пришита под ремнем. Через секунду «старший» уже кричал своим, чтобы опустили оружие и несли носилки для Зимина. Попали Сане в руку, хорошо, что не из винтовки. Пуля немецкого пистолета-пулемета довольно слабая по пробивной силе. Да тут на нас еще одежды и сбруи куча, но в общем Сане повезло.

Мы инсценировали расстрел команды егерей и патруля прямо тут на дороге и скорым темпом понеслись в лес. Машину и байк просто некуда было спрятать. Отвалы снега на дороге высокие, до леса нам никак технику не дотащить, поэтому просто расстреляли ее, покидали трупы и бежать. Партизаны заявили, что знают, как быстро и незаметно для фрицев перейти на нашу сторону, вот теперь и ведут. Надо отдать должное партизанам, после демонстрации моих «документов» вопросов они не задавали. Только спросили, что требуется.

Привели нас сначала в лагерь партизан. Тут оказалось, что лес совсем не такой уж и редкий. Землянки были грамотно упрятаны в корнях больших деревьев, даже засмотрелись на это чудо архитектуры. Грамотно все поставлено, ничего лишнего, все функционально. Народу в отряде было не очень много, взвод примерно, но это я так, на глаз скорее определил. Не станешь ведь спрашивать, не поймут такие вопросы. Поэтому только смотрели. Нас пригласили на ужин, с удовольствием согласились. Конечно, по приходу в отряд нас представили и замполиту. Обменялись документами, ну, проверили друг у друга уже более толково и приступили к еде. После приема пищи мы отказались переночевать и стали собираться в путь.

– Товарищ майор, ну куда вы на ночь глядя-то? – расстроился командир партизанского отряда. Я его прекрасно понимал, он бы нас вообще у себя поселил и инструкторами сделал. Ни один командир не упустит возможность перенять что-то новое у спецов, такова жизнь. Естественно, мы знали и умели больше, чем любой партизан. Они-то постоянно в борьбе, каждый день. Не важно, сбор информации или какой-нибудь налет на фрицев, люди живут во вражеском тылу, то есть, приспосабливаются к противнику. А мы если не на задании, постоянно учимся и оттачиваем навыки, навязываем врагу свои правила. Вроде бы должно быть наоборот, воевать должны подготовленные люди, но каждый должен делать то, что он умеет лучше всего. Вот вроде мы и охрененные специалисты диверсанты, но так ходить по лесу, как опытные партизаны, не умеем. Зато и стрельба, и рукопашка у нас выше всяких похвал.

– Нет, Андрей Ильич, нам нужно вернуться не позднее утра, иначе...

– Да я все понимаю, но бойцы на вас вон как смотрят, – он указал в сторону рукой, а я впечатлился от тех взглядов, что бросали на нас бойцы. Вон как на мой «выхлоп» смотрят. Им такое оружие недоступно, хотя и пригодилось бы. У них, кстати, нормально с тихим оружием. Видел и наганы с глушителями, и МП-40, так что и партизан помаленьку снабжают.

Линию фронта перешли вместе с сопровождающими из отряда. Решил их взять, чтобы на нашей стороне избежать ненужных задержек. Вышло все как по нотам. Вот только Жуков обиделся, что мы к нему в штаб фронта не заехали, это мне потом Истомин рассказал.

– Перешли на моем участке, и деру домой быстрее, а ко мне по пути не зашли. – Помнит, оказывается, маршал о нас, помнит. А я, если честно, и не пожалел, что не разузнал, где его штаб, и не съездил к нему. Признаться, не хотелось ему напоминать ту его оплошность, когда он в Ленинграде характер показывал. Но подарок его у меня под стеклом лежит, как ценный экземпляр коллекции.

Истомин встретил меня спокойно.

– Хрен ли как долго? – Вот гадский папа, опять шутит.

– Могу уйти и вернуться еще позже, – я тоже в ответ ляпнул чушь.

– Я тебе уйду! Рапорт потом, давай докладывай кратко о главном.

– Старые песни о главном, – медленно протянул я. – Извините, товарищ генерал. Задание выполнено, объект ликвидирован. Проект их ухоронки примерно поняли и готовы зарисовать по памяти.

– Молодцы, как и всегда, – без какого-либо пафоса произнес Петрович. – Как новенький?

– Вполне на своем месте. Тренировки и еще раз тренировки. Не тупил, не ждал, когда подтолкнут. Идеи вставлял, в общем – наш человек.

– Я к тому, что еще ведь кандидаты есть, смотреть будешь, присылать или нет?

- А мы что, все, закончили воевать? – удивленно произнес я.
- Пока да. Отправляйтесь с утра к месту постоянной дислокации. Не забывай, на тебе, точнее на всех вас, учеба молодых.
- Опять морды бить, – грустно заключил я, вспоминая, как несколько неудачников решили мне отомстить.
- Серег, их тоже учить кто-то должен. А товарищ нарком сказал, что учить должны самые удачливые группы и самые результативные.
- Вот нашли удачливых...
- Молчи уже, спугнуть можешь, – цыкнул на меня Петрович.
- Профессионализм не пропьешь! – пошутил я, но увидев взгляд Истомина, заткнулся.
- Так, иди, отдыхай, с утра перед вылетом рапорты на стол, будьте готовы к семи.
- Есть. Разрешите выполнять? – четко отрапортовал я.
- Выполняй, – кивнул Истомин и ушел в свои мысли.
- Я ушел к парням и стал собираться к вылету.

* * *

- Все целы? – Истомин оглядывался по сторонам, ни на ком не останавливая взгляд.
- Иванов ногу сломал, товарищ генерал, – отозвался я.
- Еще громче поорите тут, – Петрович завелся. – Говорил я тебе – не спугни!
- Да ладно, Александр Петрович, – я попытался успокоить его, – выберемся. Тут не так уж и далеко. Только вот карты я оставил в штабе.
- Карта есть у меня, что с оружием у вас? – Петрович снизил накал страстей.
- Вот с этим плохо. Свое-то я с собой всегда вожу. Мужики тоже, но вот тяжелое оно у них. Рации само собой нет, пулемета тоже. Три ППС, у меня и Митрохина «выхлоп», еще «винчестер», только патронов мало. Гранат пару штук, светляки есть, и ракеты, осветительные, у фрицев прибрал.
- Давайте валить отсель, а то припрется кто-нибудь. Все-таки спугнул ты удачу, майор, – повторил Истомин.

Вылет не задался с самого начала. Во-первых, вылетели только вечером, а во-вторых... Нет, нас не сбивал немецкий ас, яростно кинувший свой истребитель на таран. Свой полет в Питер мы закончили километрах в восьмидесяти от места взлета. Где-то над Польшей, где точно, пока еще не определили. Заглохли оба мотора на ЛИ-2, и мы друженько отправились вниз. Пилотов жалко, оба погибли. У нас, как уже известно, сломал ногу Костя Иванов, остальных просто покрыло синяками и ссадинами. Летчики молодцы, тянули машину до последнего, но так уж получилось, что тут не было ни одного мало-мальски ровного участка. Плюхнулись на лесную дорогу. Пилоты рассчитывали, что максимум крылья сломаем, но дорога оказалась совсем узкая. Зацепив одним крылом и оторвав его с корнем, самолет кинуло в сторону, и мы воткнулись в деревья. Одного летчика насадило на сломанный сук прямо через кабину, второй сломал позвоночник и умер почти сразу. Причина, по которой летчики игнорировали редкие проплешины в лесах и не пытались сесть на них, проста, все свободные земли могли быть болотами. Да что там могли, они ими и были. Сейчас, укрытые снегом, болота были еще более коварны, чем летом. Видел я уже не раз за два с лишним года, как что-то попадает в болото, радости это точно не принесло бы.

– Блин, как тут деревья растут? Одна топь кругом, – выматерился я, когда в очередной раз нога ушла под воду. Вроде на кочку наступил, а она возьми и утони. Ни хрена не разберешь. Все белое, никаких следов. Идешь медленно, прощупывая каждый шаг. Шесты даже не помогают. Вроде воткнул – твердо, вступил и провалился. Да, тяжело нам будет.

– Бля, вот это Новый год получится, – вспомнив о грядущем празднике, усмехнулся я. Как оказалось, вслух.

– Тихо всем! Движение на два часа, упали все, – озвучил то, что увидел от наблюдателя, Зимин. Наблюдателем сейчас был Ваню. Грузин двигался впереди метрах в ста, показав жестами приказ залечь, сам рухнул в снег и перекатился за дерево. Не выбирая особо, куда упасть, все попадали. Хорошо, что вещи мы все везли с собой и хоть грязные очень сильно, но белые накидки были при нас. Не совсем, конечно, белые, но лучше, чем простой камуфляж. Чувствую, как нога вместо упора в землю проваливается в пустоту. Точнее тонет, чуть подтягиваю на себя. Местность тут была неровная. Мы как раз двигались вверх, пытаюсь забраться повыше из болота. Группу в белых масках, медленно проходящую мимо, едва смог разглядеть отсюда. До них совсем близко, метров сто пятьдесят. Хотя видимость никакая, отмечаю все-таки, что ребятки упакованы, как надо. Интересно, куда это они? Места эти отбили у фрицев недавно, поэтому тут всякой швали бродит, как в муравейнике. Чуть поворачивая голову и ствол «выхлопа» и натыкаюсь на взгляд Истомина. Тот, делая дикие глаза, пытается что-то до меня довести. Отрицательно качнув головой, продолжаю наблюдать. «Маскхалатников» восемь человек. Все с серьезным оружием. Приходилось уже нашим диверсионным группам сталкиваться в немецком тылу со своими. Это я на полигоне слышал, бойцы из другой группы рассказывали. Пока опознались и все дружно успокоились, получили одного бойца «двухсотым» и еще трое поехали в госпиталь. Вообще, командование пристально следит за тем, чтобы на одном участке не встречались наши группы, но мы-то уже закончили свое, поэтому нас тут быть не должно. Вот и лежим, думаю думаем. То ли это наши идут, то ли фрицы. Начнешь стрелять, вдруг своих причешешь, не говоря о том, что и нас могут. Придется пропустить, что еще сделаешь в такой ситуации. Эти странные солдаты достаточно быстро скрылись из поля нашего зрения. Просто исчезнув за гребнем возвышенности. И самое главное, не видно ни хрена, сколько их может быть по ту сторону холма.

Когда Ваню поднял руку, и мы начали вставать, первым, при резком окрике с той стороны, упал именно Ваню. Уже лежа в снегу и оглядываясь, я лихорадочно соображал. В этот раз Истомин оказался совсем близко ко мне и спросил шепотом:

– Ну, пропустили, бля? – смачно выругался он.

– А кто знал, что они не уйдут, а здесь залягут и ждать будут?

– Значит, они точно знали, что мы здесь, – Петрович соображал, что делать.

– Вряд ли, просто наблюдатель у них более зрячий оказался, чем Ваню. Вот он его и срисовал.

Зачем те, кто с той стороны, решили нас окликнуть – загадка. Вроде похожи на толковую группу, на кой же черт кричали? Хотя, стоп...

– Надо до грузина как-то добраться, – снова подал голос Истомин, но я уже вынул из вещмешка прицел от ВСК и попытался разглядеть склон.

– Да, может, он посчитать успел.

Оглядевшись и найдя глазами Митрохина, я показал ему на высоту. Тот меня понял и медленно пополз наверх.

– Его там не снимут? – озабоченно поинтересовался Петрович.

– Вот когда пожалеешь, что Мурата нет, – сквозь зубы выдавил из себя я и, найдя глазами Зимина, позвал его к себе.

Спустя несколько секунд Саня был возле меня.

– Сань, увидишь, куда я залезу, встань подо мной.

– Ясно, – кивнул Зимин.

Я снова посмотрел в прицел и с трудом разглядел Митрохина. Тот уже подполз к Ваню и сейчас смотрел в мою сторону и показывал руки.

«Если правильно считаю, то он показывает восемь рыл», – подумал я, посчитав сколько раз поднял согнутую в локте руку Андрей. Темно, обычно пальцами показываем, но тут их не рассмотреть.

Я встал на ноги и, согнувшись, побежал назад, туда, откуда мы пришли. Отбежав метров на сто, огляделся и удовлетворенно хмыкнул. Рядом росла огромная ель. Морщась от уколов еловых иголок, я сквозь ветви пробрался к стволу и начал скидывать с себя белую хламиду. Никогда не пробовали забраться на елку? А вы попробуйте. Забирался я, наверное, вечность, но на самом деле прошло минут пять. Устал как собака. Обмотался вокруг основания веток как удав и начал аккуратно срезать ножом концы. Удалось в пушистых лапах елки проделать небольшую брешь для обзора. Поглядев в прицел, черт, ни фиги не вижу.

Надо ли пояснять, что я сделал? Так как ель росла ниже по склону, я свободно к ней подошел, а теперь взобравшись под прикрытием ее лап, находился выше верхушки гребня, за которым скрывался противник, все просто. Темно как в заднице, на мне темный камуфляж и стою я, слившись в одно целое с елкой.

– Четвертый, – тихо, шепотом позвал я. – Ты тут?

– Здесь я, говори, – раздался голос Зимина подо мной. Экий он быстрый.

– Пусть парни сюда валят. Митроху оставь подо мной, сам чуть в сторону уйди. Возьми у Второго ракетницу и все выстрелы к ней, понял? Выполняй.

– Девятый, звал? – спустя полминуты до меня донесся голос Митрохина.

– Второй, двигаешь к вершине. Остановись метрах в десяти, там уже добросишь.

– Чего добросить? – живо спросил Андрей.

– А вот это держи, – я кинул вниз поочередно две гранаты. – Это наши выручалки сейчас.

– О, у тебя с собой остались, что ли, а я сдал – дурак.

– Даешь наш сигнал и лежишь тише воды. Как услышишь мой выстрел, кидаешь по очереди на ту сторону «подарки» и валишь ко мне. Внизу занимаешь позицию и отстреливаешь тех, что начнут спускаться, если такие будут. Я буду работать только по той стороне, не пропусти. Все ясно?

– Так точно, – Митрохин умчался, а я стал всматриваться в прицел. Есть у наших групп такое правило, как раз на случай, когда опознаться очень трудно. Митрохин сейчас постучит пистолетом по ствольной коробке винтовки, в лесу сейчас ну очень тихо, услышат. Если в течение минуты ответа не будет, или он будет неправильным, начнется бой. А гранаты я Митрохину дал свето-шумовые, вот там кому-то нехило прилетит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.